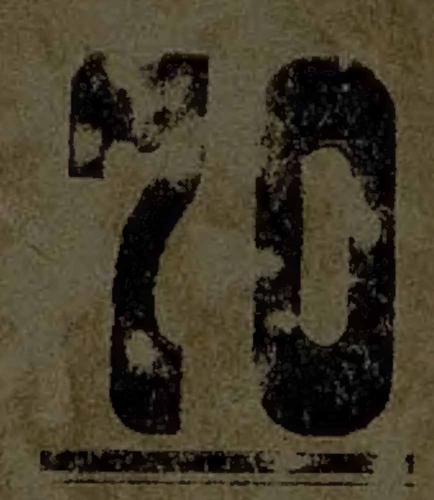
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. ГУРАН.



70 ЛЕТ.

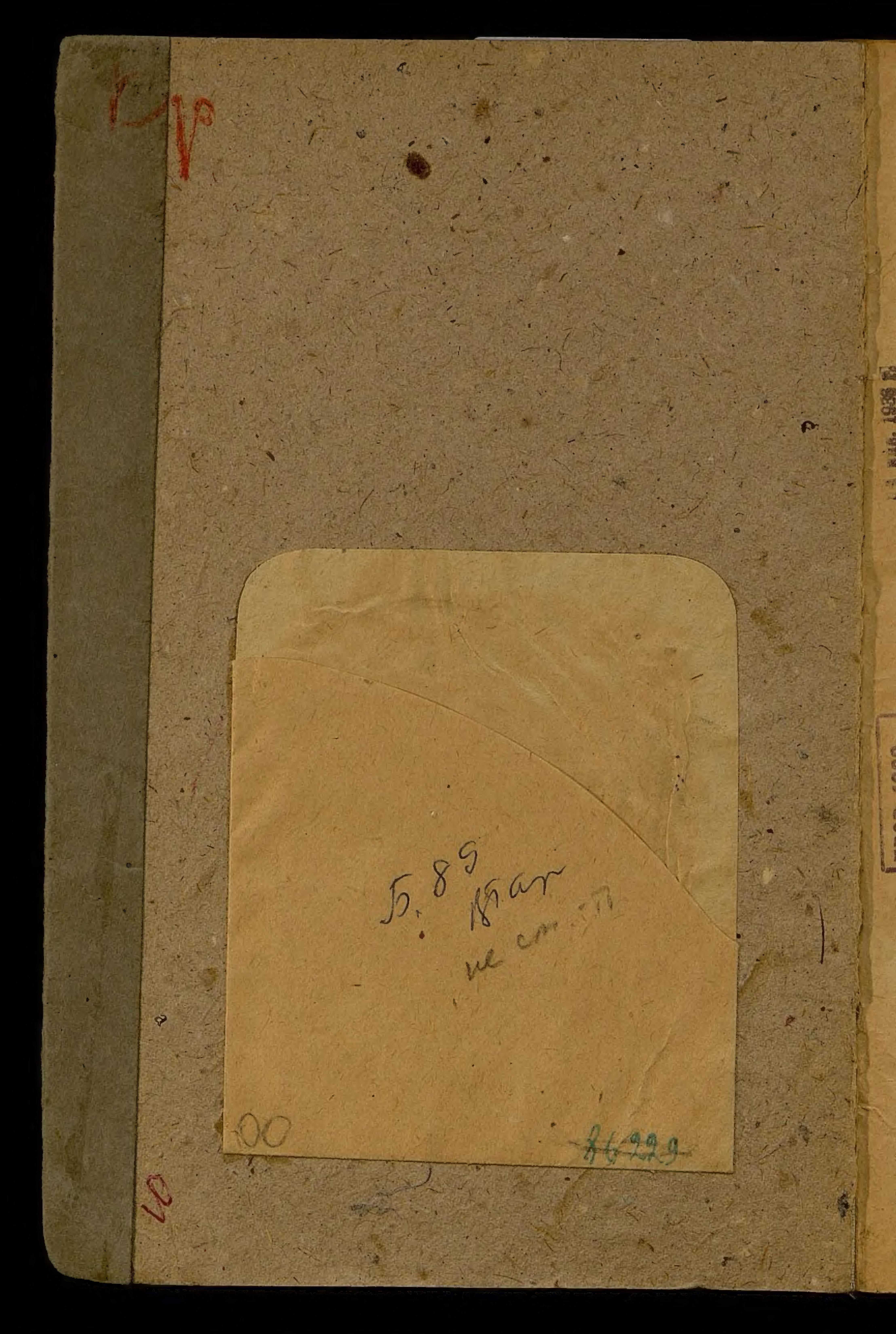
ОТ СТАЧКИ К ОРГАНИЗОВАННОМУ ПРОФДВИЖЕНИЮ

В БЫВ. УФИМСКОЙ ГУБ. И Б. А. С. С. Р.

(1857—1927 г.)

Под редакцией БАШИСТПРОФА.

ИЗДАНИЕ БАШПРОФСОВЕТА.
УФА—1927.


Б. 89
18 ar
не см.
00
26229

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. ГУРАН.

70 ЛЕТ.

ОТ СТАЧКИ К ОРГАНИЗОВАННОМУ ПРОФДВИЖЕНИЮ

в быв. Уфимской губ. и БАССР.

(1857—1927 г.г.)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
БАШИСТПРОФА.

Издание Башпрофсовета.
УФА—1927.

Уфа Башглавлит № 1394. Тираж 2000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Основной задачей настоящих очерков нужно считать необходимость возможного удовлетворения потребности в популярном изложении важнейших этапов классовой борьбы пролетариата бывшей Уфимской губернии, ныне Советской Башкирии, начиная с момента зарождения рабочего движения и кончая нынешними днями социалистического строительства. Вот поэтому-то оба очерка, а особенно первый, сплошь унизаны фактическими данными и ограничены в части теоретических выводов. — Рабочий Башкирии должен знать историю своей борьбы, он должен воскресить в свой памяти те события, в которых когда-то участвовал сам, чтобы еще раз уяснить себе, как труден был пройденный путь, как много сил пришлось положить в борьбе с капиталом—примерно, так была сформулирована эта задача перед составителем.

Поэтому мы заранее предваряем, что ни в коей мере, при составлении очерков, научные цели не преследовались и «новых америк» открывать не предполагалось. Мы считали своим долгом только найти, по мере возможности, подтверждения, на фактах, тем выводам, которые уже сделаны в авторитетных марксистских трудах по истории профессионального движения в России. Да и трудно делать теоретические выводы по истории профессионального движения в нашем крае, если до сих пор нет ни одного последовательного, всестороннего изучения развития социал-демократии и коммунистической партии в местных условиях. Нам не удалось даже более, или менее точно установить, когда возник «Уфимский Союз С.-Д. и С.-Р.—до возникновения рабочих кружков, или после. А такие данные были очень и очень нужны для исследования вопроса о руководстве экономической и политической борьбой пролетариата.

К тому же уральская и приуральская специфичность экономических и бытовых условий также сильно осложняет изучение отдельных исторических моментов. Почти до самой Февральской революции невозможно установить, за счет каких причин процветал в стачечной борьбе нашего края меньшевистский «экономизм». За счет ли общей отсталости рабочих масс, явившейся следствием экономических особенностей: наличие у рабочих необеспечивающих существование полукрестьянских

хозяйств, но привязывающих последних к заводу и до безобразия низкий уровень заработной платы, или за счет сильного влияния соглашателей, хотя в последнем приходится очень и очень сомневаться.

Рабочее движение в нашем крае в дореволюционный период только в единичных случаях выливалось в чисто профессиональные формы; постоянные массовые организации профессионального характера почти везде отсутствовали, поэтому первый очерк нами построен по схеме развития массовых событий в хронологическом порядке.

Зато во втором (с 17 года) нам удалось уже развернуть картину классовой борьбы по отдельным темам, в порядке логической и исторической последовательности. При чем в последнем очерке охват профессионального движения по территориальному признаку значительно сузился, ибо в период между Февралем и Октябрем южно-уральские заводы или действовали совершенно автономно, как это было в Златоусте, или были связаны с областным центром Урала, а не с Уфой.

В заключение нельзя не отметить, что в данной работе, несомненно, имеются слабые места, но читатель должен извинить это, ибо ни достаточного времени, ни достаточных материалов в нашем распоряжении не было.

Основными источниками, откуда были взяты исторические материалы, послужили: периодическая печать как местная, так и центральная (в том числе дореволюционная, издававшаяся за границей), документы архива жандармского управления, материалы истпрофов всех союзов, истпарта и воспоминания отдельных товарищей.

До 1905 года.

Крестьянские бунты.

Царское правительство еще в 18 столетии поняло, что бесконечно питать многочисленные войны снаряжением за счет иностранной промышленности нельзя, поскольку это ставило Россию того времени в зависимость от стран с более развитой техникой и оно впоследствии практически разрешает вопрос о развитии отечественной промышленности (в том числе и уральской), предоставив купечеству специальными законами ряд привилегий и льгот, а в этом числе и право скупать крестьян для промышленных целей.

Торговый капитал, постепенно превращаясь в промышленный, конечно, не изменил своей хищнической природы, он продолжал энергично вести политику чрезмерной наживы за счет горно-заводского крестьянства и на новом поприще.

И без того каторжные условия труда и быта крестьянства с этих пор ухудшаются еще и еще. Вполне понятно, что последнее, доведенное до отчаяния, иногда пытается поднимать голову и делает попытки выступать против рабовладельцев. Правда, эти попытки не носили каких-либо признаков организованности, но все же они были на Урале и в Приуралье «протоплазмами» рабочего движения.

Сохранившиеся исторические документы указывают на то, что еще задолго до 1861 года горно-заводское крестьянство выступало против зарождающегося промышленного капитала.

Так, например, в 1857 году 13 мая крестьяне-углежоги Авзяно-Петровского завода, доведенные непосильной урочной работой до отчаяния, стихийно бросили работу и явились в контору, где пред‘явили требование об облегчении условий труда, а попутно и об отмене штрафа за недожег. Администрация завода отказалась удовлетворить требования, что и послужило причиной к дальнейшему прекращению работ. Спустя некоторое время, на месте работ появился сам хозяин. Заметив толпу, он спросил:

— Зачем собрались?

Углежоги тут же и об‘яснили причины беспорядка, повторив свои требования.

— Своих распоряжений я не отменю!—последовал ответ хозяина.—Приказываю разойтись, ибо *закон вам не разрешает толпиться*.

Однако, на углежогов угроза не подействовала и они продолжали шуметь:

— Вор ты!

— Не исполняешь сам законы, а нас ими попрекаешь.

На шум приехали приготовленные уже урядником казаки, и разогнали крестьян, арестовав попавшихся под руки отдельных углежогов.

Администрация успокоилась было, считая, что волнение усмирено, но ошиблась. И на следующий день 300 человек крестьян собралось у фабрики для того, чтобы повторить еще раз свои требования. На этот раз они обратились к исправнику, умоляя его наказать хозяина и освободить арестованных. По своей темноте углежоги не понимали, что чиновник не мог быть не на стороне владельцев. И никакого удовлетворения требований, кроме угрозы:—пустить в ход оружие—они, конечно, не получили.

Аналогичные примеры можно было бы привести и еще, но краткость настоящих очерков заставляет перейти к последующим моментам рабочего движения.

Закон 61 г. был под спудом. Закон о раскрепощении крестьянства послужил толчком к целому ряду конфликтов между крестьянами и заводовладельцами. Владельцы заводов, расположенных на территории бывшей Уфимской губернии, прекрасно учитывали, что ознакомление горно-заводского крестьянства с законом 861 года может вызвать «брожение умов» среди населения, беспорядки, а отсюда возможное прекращение работ, что было не в их интересах. Поэтому они молчали о законе до тех пор, пока крестьянство не узнало о нем окольными путями. В Симском заводе, например, даже в 862 году рабочие завода (преимущественно насильно насланные и крепостные крестьяне) еще не знали сути закона.

19 мая этого года они бросили работы на почве того, что какой-то проезжавший случайно помещик сообщил им о законе, при чем раз'яснил его так:

— Государь, отпустивши вас на волю, дарит и землей, так-что теперь не вы принадлежите помещику, а он вам.

Симцы, не видя ни воли, ни земли, заволновались и начали бастовать. Но забастовка ни к чему не привела. Администрация заводов вызвала воинскую силу, которая и подавила волнения.

В Катавском заводе закон так же вызвал волнения. Полицейские архивы указывают, что весной 1862 г. крестьяне этого завода, в числе 362 человек, бросили работу и явились к волостному старшине, пред'явив такие требования:

— Выдать всем паспорта на вольные промыслы.

— Написать на заводоуправление за то, что оно за пуд хлеба берет 45 копеек, при действительной его стоимости в 24 коп.

Старшина удовлетворить законнейшие требования рабочих категорически отказался и предложил им приступить к работам. Здесь рабочие впервые поняли, что просьбами ничего не получишь, если не противопоставить силу силе. А один из числа забастовавших, Дмитрий Верин, тут же сформулировал эту мысль так:

— Слушай, ребята, не оставлять того, что затеяли (организованное выступление с другими заводами) и выбрать послов в Устье (очевидно, в Усть-Катав), а также во все деревни с приглашением к общему выполнению своих намерений.

В этот же день и остальные рабочие бросили работу. Собравшись в числе 1000 человек, катавцы начали обсуждать свои нужды и намечать требования. В результате пришли к одному выводу, что нужно требовать повышения заработной платы, поскольку «вольные паспорта» еще не кусок хлеба.

Как окончилась эта забастовка данных не сохранилось (без сомнения, не в пользу рабочих), известно лишь то, что крестьянство окружающих деревень поддержало катавцев.

Правительственные подачки—на бумаге.

Освобождение крестьянства от крепостной зависимости, при отсутствии у него земли, с одной стороны, создало большое наличие свободной рабочей силы в деревне (одних дворовых—безземельников насчитывалось тогда полмиллиона человек), а с другой—еще больше развязало руки купечеству, так как оно, несмотря на все привилегии, не всегда еще имело возможность скупать у помещиков рабочую силу. Другими словами, манифест 61 года сыграл на пользу промышленности, положив начало будущему развитию промышленного капитала. Развитие же капитализма, в свою очередь, сопутствовалось развитием другой силы—рабочего класса.

И царское правительство в первые же годы развертывания промышленности, столкнувшись лицом к лицу с фактом роста двух враждебных классов (рабочего класса и капиталистов) и роста противоречий между ними, вынуждено было перестраивать свою внутреннюю политику, свое законода-

тельство. С этого времени оно начинает заниматься так называемым, фабричным законодательством. Суть этого законодательства сводилась к *формальному* предоставлению некоторых, весьма мизерных, прав совершенно бесправному заводскому населению.

На деле же этими правами рабочие не пользовались, оставаясь почти теми же крепостными рабами. Например, закон о горно-заводских товариществах осуществлялся постольку, поскольку это было выгодно хозяину.

Горно-заводские товарищества долгое время с момента их организации не выполняли и без того ограниченных функций, предусмотренных законом.

По закону 861 г. заводы должны были бы платить за рабочих дорожную повинность, на деле же этого не было—рабочие платили сами. Но не зная об этом они думали, что так и надо.

— Освободили, мол, на «волю», организовали товарищество—тому и быть.

Рабочий не ясно учитывал в эти годы и обратную сторону медали, а именно то, что законы-то пишутся при участии хозяев, которые себя не обижают, как это показало будущее.

Вот поэтому-то последующие годы вплоть до последних лет прошлого столетия проходят на территории бывш. Уфимской губернии сравнительно спокойно. Этому же способствовало и общее экономическое положение рабочего Урала: его незначительное хозяйство, не давая средств к существованию, в то же время держало рабочего на одном месте, связывало с заводом. А раз это так, то рабочий не каждому притеснению придавал должное значение.

Уфимская полузубатовщина.

Уже и в этот период царское правительство начинало понимать, что с развитием капитализма, петля на шее рабочего будет стягиваться все туже, а поэтому надо где-то, в другом месте, искать поддержку, надо с кем-то, кто может создавать общественное мнение, заигрывать, и надо кому-то, кто политически безобиднее, итти на уступки.

Таким-то, вот, об'ектом в 80 годах и явились врачи города Уфы, а позднее торговые служащие.

Первыми в 1882 году, при «благосклонном» участии, в качестве почетного члена, Уфимского губернатора Шепкина, было организовано «Общество Врачей Уфимской губернии».

Общество до 900 годов занималось исключительно научно-

производственными вопросами, не придавая работе общественный характер, не затрагивая ни экономических, ни правовых вопросов.

Профессиональная организация торговых служащих имела место в 94 году, когда министр внутренних дел Сипягин утвердил устав «Уфимского Общества Взаимного Воспоможения Частному Служебному Труду».

Согласно устава это общество преследовало следующие цели

Выдача пособий нуждающимся членам.

Распространение между членами полезных знаний.

Содействие к образованию детей беднейших членов.

Выдача нуждающимся членам ссуд.

Приискание служебных занятий, *потерявшим их не по своей вине.*

Сейчас нам эти задачи кажутся очень незначительными, но в то время они были чуть не равными революции. И правительство, делая вынужденные уступки формально, на деле создавало такие условия которые не давали претворяться в жизнь даже этим целям общества. Губернатор, в купе с толстосумами, попытался обеспечить в руководящем органе общества достаточное количество мест для благонадежного элемента. Из данных за 98 год видно, что председателем на всех общих собраниях общества был купец (впоследствии городской голова), председателем «наблюдательного комитета» состоял также купец, а председателем правления общества—адвокат городской управы,—очевидно, тоже элемент «благонадежный» по отношению к власти.

При таком руководстве общество в первые годы своего существования занималось прямыми задачами мало, уделяя главное внимание обучению своих членов... пению. Отчет за 98 г. указывает, что за весь год было выдано ссуд только 7 членам и подыскано работы в двух случаях. Последнее и неудивительно, поскольку общество изыскивало работу только тем членам, качества коих и нравственные и служебные были безупречны (для купцов, конечно). Интересные данные дошли до нас о делении членской массы на разряды. Оказывается, что для членов существовало 5 разрядов, которые определялись размером членских взносов. Действительный член 1 разряда должен был платить 24 рубля в год, а член 5 разряда—3 рубля. При безработице первый пользовался ежемесячным пособием в 20 рублей, а второй в 2 руб. 50 коп. Кроме действительных, были еще члены почетные и соревнователи (из «их степенств»). В 98 году «почетных» членов в обществе было 6, соревнователей 20 и действительных—83.

Капитал рос за счет усиления эксплоатации рабочих.

Последние годы XIX века на территории бывш. Уфимской губернии проходят под знаком быстрого развертывания промышленности и роста капиталистических накоплений.

Показателем роста промышленного капитала могут служить цифры за 93 и 94 года. В первом—заводов, фабрик и других промышленных заведений на территории губернии насчитывалось 113, а в 94 году уже 147. Число рабочих, занятых в промышленности в 94 году, достигает 25553 человека, или на 1338 человек больше 93 года. Выпуск продукции, в ценностном выражении, в 94 году достиг суммы в 7898664 рубля.

Пять видов промышленности: чугунно-плавильная, железоделательная, винокуренная, кожевенная и мыловаренная в этом году, против предыдущего, выработали продукции на 500719 рублей больше, что к общей ценности продукции всей промышленности составит почти 7%, рост же числа рабочих выразился только в 5,5%. Отсюда можно предполагать, что около полуторых процентов почти от восьми миллионов капиталисты положили в свой карман за счет усиления эксплоатации рабочего класса.

Златоустовские волнения 96—97 года.

Ухудшение материального положения рабочих, несомненно, ускоряло рост классового самосознания пролетариата бывш. Уфимской губернии. Последнему также способствовало и то обстоятельство, что на заводах стали появляться первые пропагандисты из учеников Екатеринбургского горного училища. Жандармский ротмистр Вольтер в своем донесении от 21 октября 96 года сообщал: «на заводе есть лица, которые в силу своего известного направления, пользуются всяким случаем для возбуждения среди рабочих неудовольствий»...

А что поводов к выступлениям рабочих было много это не отрицал и сам жандарм, в том же донесении он писал: «в этом отношении (в отношении поводов. В. Г.) виновато в известной степени само горное начальство».

О степени виновности начальства можно судить из событий 96—97 годов, имевших место не только на златоустовских заводах. Сохранившиеся источники указывают, как администрация златоустовских и других заводов, утаивая смысл содержания «Положения 861 г. о горно-заводских товариществах», лишала рабочих даже тех минимальных прав, которые дало царское правительство. Например, дорожную повинность за рабочих должна была платить казна, а заставляли платить самих рабочих; или расчетные книжки, согласно «положения», должны были выдаваться бесплатно, на деле же за них взимали гривенники.

На почве злоупотреблений правами рабочих в октябре 96 года в Златоусте возникли беспорядки. Рабочие отказались принять новые расчетные книжки, в которых администрация включала исторический пункт об ответственности рабочих за хищения.

«*Если в помещении цеха и кладовых онного,*— гласит он,—будет *обнаружена кража, неизвестно кем казенного имущества, то заводоуправлению предоставляется право стоимость похищенного взыскать по равной части со всей артели цеховых рабочих, мастеров, надзирателей и других служителей цеха, а следовательно, в том числе и с меня. Но если кража будет произведена лично кем-либо из нас (цеховых рабочих), то просим отобрания похищенного, или взыскания с виновного стоимости покраденного, он же навсегда увольняется от заводских работ*».

На отказ рабочих заводоуправление, во главе с и. д. горного начальника Евилевским, ответило задержкой выплаты октябрьского заработка.

Не получите до тех пор, пока не примете книжки, — заявило оно.

Но рабочие 15 октября, под влиянием пропаганды, собрались и в полном составе явились в заводоуправление. Евилевский, видя перед собой сплоченную толпу впервые, перепугался и бросился к жандармскому ротмистру за помощью. Ротмистр Вольтер, очевидно, тоже смутился и поспешил ликвидировать конфликт, предложив администрации выдать заработок.

Рабочие, получив заработную плату, разошлись спокойно, но под впечатлением выигранной победы.

Верно, что толпой-то, как за границей, действовать лучше,—долго после этого говорили златоустовцы.

Слухи о златоустовских событиях дошли до других заводов и заставили рабочих призадуматься. А в Юрюзани даже начались волнения и пред'явления требований о повышении заработной платы.

Недовольство среди златоустовских рабочих продолжалось всю зиму, а в феврале 97 г. оно вылилось в новый конфликт с администрацией. 8 числа этого месяца состоялось общее собрание горно-заводского товарищества, на котором горный начальник снял с повестки дня волновавшие рабочих упомянутые нами экономические и правовые вопросы.

Эти вопросы обсуждению товарищества не подлежат!— мотивировал он свой поступок.

Присутствующие, в числе 1500 человек, рабочие возмутились настолько сильно, что горный начальник Писарев «почувствовал себя дурно» и поспешил закрыть собрание. Но все же рабочие успели выставить несколько требований, а именно:

— расчетные книжки выдать бесплатно;

— пункт 7 с круговой ответственностью за кражи вычеркнуть;

— *пенсионный капитал, составляемый из 2% отчислений от зарплаты подчинить фактическому контролю рабочих;*

изменить порядок отпуска леса на топливо, чтобы за членами товарищества оставалось право вывозить лес и после истечения устанавливаемого срока, если они по каким-либо причинам не успевали вывезти в срок;

— воздействовать на заводского врача Назарова, чтобы он внимательнее относился к больным.

Эти же вопросы были выдвинуты рабочими и на втором собрании 10 февраля. Но и тут, несмотря на свою законность, требования удовлетворены не были. Даже жалоба на врача была оставлена без последствий.

Рабочие подали на имя главного начальника Баклевского такую телеграмму:

«Просим раз‘яснить, можем ли пользоваться статьями «Положения 8 марта 61 года».

Баклевский, очевидно, уже информированный администрацией, телеграфировал Писареву свой ответ:

> «Получил телеграмму выборных. Об‘явить им, что считаю их ходатайство неуместным и противозаконным (?! В. Г.). Если не прекратят волнения закрою приказ».

Рабочим после этого оставалось только замолчать до более лучшего дня.

Но в апреле месяце, совершенно неожиданно, на заводе появился сам Баклевский и удовлетворил основные требования. Он предложил расчетные книжки выдавать бесплатно, пункт об ответственности за кражи изменить в том смысле, что рабочие обязаны отвечать только за имущество, находящееся у них на руках, и выдавать рабочим на дорожную повинность ежемесячно по 2 копейки.

Баклевский, разрешая конфликт так, очевидно, понял, что бесконечно злоупотреблять терпением рабочих нельзя. А может быть это был маневр для укрепления «дружбы» с рабочим классом.

Среди рабочих же после того вера в свою силу окрепла еще больше.

Узнают закон через 35 лет. В том же 96 году рабочий Кусинского завода Пётр Шереметьев окольным путем добыл выписку из «Положения 861 г». Кусинцы, ознакомившись с положением, поняли, что очень многое по этому закону не проводится в жизнь и, изложив по выписке свои права, обратились с ходатайством к управителю об удовлетворении их. Того заинтересовало то, что рабочие узнали о тщательно скрываемом положении и он предложил принести оригинал выписки.

— Где взяли?—задал вопрос управитель, когда выписка появилась.

— Привез какой-то златоустовец, а кто он не знаем,—отвечали рабочие.

Чем кончилась эта история, данных не сохранилось, но известно, что с этого момента кусинцы, будучи наиболее отсталыми, не только начинают задумываться над своим положением, но и действовать.

16 февраля 97 года в Кусинском горно-заводском приказе происходило собрание членов товарищества, на котором присутствовали управитель и лесничий Шахурин. Во время собрания между рабочими и Шахуриным произошел разговор, превратившийся в крупную ссору.

— Ты нам делянки отводишь за 25 верст, а купцам Загировым там, где они захотят!—дружно обвиняли Шахурина рабочие.

Ссора зашла бы, вероятно, далеко и не сдобровать бы лесничему, но вмешался управитель, который пообещал разобрать дело с лесом.

Первая стачка. Борьба за 8-часовой рабочий день. Классовое самосознание пролетариата Южного Урала и Приуралья продолжало расти. Февральские конфликты 97 года не прошли для златоустовцев бесследно. От разговоров о дровах и «Положении» начали переходить к обсуждению общего экономического положения зарплаты, рабочего дня и т. д. Одиночки пропагандисты все более разжигали классовый огонь, подыскивая подходящий случай для схватки. И он не замедлил явиться. В июне этого года рабочих большой прокатки, в числе 70 человек, заводоуправление обсчитало на 72 рубля. На этой почве прокатчики бросили (2 июля) работу. Администрация, перепугавшись стачки, на другой же день выдала причитающиеся деньги, но было уже поздно.

— Работать будем только тогда,—заявили рабочие,—когда вместо 2 двенадцати часовых смен будет введено три восьмичасовые смены. И когда поденная заработная плата младшего

рабочего будет составлять не менее 70 коп. (а получали 50—55 коп.).

Администрация удовлетворить требования отказалась. Рабочие же не сдавались.

3 июля в Златоуст пожаловал директор горного Департамента Денисов с Баклевским. Но и они ничего сделать не могли. Никакие угрозы, застращивания и уговоры на рабочих не действовали. Тогда администрация попыталась сломить стачечников другим путем, она предложила рабочим других прокатных цехов стать на работу в большой прокатке, повысив заработную плату на 20%, но и это не помогло—рабочие отказались. Устами бывшего прокатчика Борисова они заявили:

— Скорее сами забастуем, чем будем подводить товарищей.

Даже гастроль начальника Уфимского жандармского управления Громыко не увенчалась для администрации успехом.

Рабочие остальных цехов дружно поддерживали стачечников, оказывая им и материальную и моральную помощь.

21 августа, когда все способы заставить прокатчиков работать были испробованы, начальство решило обратиться к психологии рабочих. Оно велело затопить печи в б.-прокатке, расчитывая на то, что рабочие, завидя дым, соберутся. Но прибежали не рабочие, а исправник с жандармским офицером. Рабочие не явились и на другой день, несмотря на дым.

Через месяц после «дымопускания» администрация пошла на последнюю меру—пригласила рабочих с других заводов. Эта мера возымела свое действие. Прокатчики из боязни потерять работу, за исключением двух, согласились работать на прежних условиях.

Проигранная стачка сильно повлияла на рабочих. Некоторое время златоустовцы молчали. Зато администрация из опыта первой стачки вывела заключение, что прежним языком говорить с рабочими становится все труднее и труднее.

Этим и можно об'яснить последующие частичные уступки начальства в части сокращения рабочего дня и по другим вопросам.

Первые рабочие кружки в Уфе.

В эти же годы начинает зарождаться рабочее движение и в центре губернии, в Уфе. Рабочие главных железнодорожных мастерских начинают узнавать, что за границей рабочие меньше работают, но больше получают, что они имеют свои классовые организации, защищающие интересы пролетариата и т. д. От разговоров о Западе переходили к своему положению и начинали над ним задумываться. А некоторые уже почитывали запрещенные книги.

Тов. Петров Д. М. в своем воспоминании рассказывает, как они с Г. В. Матрехиным однажды (в 1897 г.) прочли антирелигиозную книгу. Книга произвела настолько сильное впечатление, что т. Петров, связав свои иконы, отнес на рынок. Этот факт не ускользнул от внимания полиции и она арестовала «богохульника». На допросе жандармы всяческими способами (включительно до побоев) пытались выяснить откуда появились у рабочего антирелигиозные мысли, но ничего не добились. Продержав Петрова трое суток в участке, обшарив несколько раз квартиру, жандармы вынуждены были жертву выпустить под надзор.

Такие факты еще больше разжигали новые мысли у рабочих, они начинали понимать, что царская власть что-то скрывает, чего-то боится; они еще с большей остротой стали чувствовать всю тяжесть угнетения. Появились одиночки-рабочие, которые уже сознательно при товарищах начинали вслух выражать свое недовольство, приглашая интересующихся приходить «потолковать» на квартиру.

К этому же времени началось «хождение» интеллигенции того времени в народ. А все вместе взятое явилось предпосылкой к самоорганизации. Отсюда и начали возникать первые рабочие кружки.

Организация кружков производилась при строжайшей конспирации, доходящей до того, что член одного кружка не знал о членстве своего соседа по цеху в другом кружке.

Численный состав кружков не превышал 10 человек.

Наступление капиталистов на Катавских заводах.

В 900 и 901 годах наибольшая активность в рабочем движении имела место на заводах: Усть-Катавском, Катавском и Юрюзанском. Первый конфликт в Усть-Катаве произошел в начале 900 года на почве ухудшения условий труда и оплаты в пудлинговом цехе. По сведениям жандармского архива явствует, что конфликт закончился в пользу заводовладельцев. Рабочие, оставшись крайне возмущенными, пообещали с наступлением тепла бросить работу и заставить заводчиков повысить зарплату в таком размере, какой компенсирует их потери за зиму.

— А если привезете рабочих из других районов, то мы их «встретим»,—так заявляли они перед администрацией.

Насколько правы были рабочие Усть-Катава в своих требованиях можно судить из ходатайства жандармского ротмистра, который писал по начальству:

«Необходимо было бы, в видах предотвращения в будущем беспорядков, побудить заводоуправление снова обсудить

этот вопрос с тем, чтобы закрепить за собой рабочих на сходных для них условиях».

Но не вняли капиталисты «гласу своего цербера», не только не улучшали положение рабочих, а, напротив, сдавили петлю еще туже.

В начале 1901 года новые хозяева Усть-Катавского завода, в лице Уфимского горно-промышленного общества, взялись за самую бесцеремонную эксплоатацию. Началом наступления капиталистов нужно считать приглашение на завод мастеровых с других заводов, которых наглым образом обманули. Наобещав высокую плату, хозяева, при прибытии рабочих, предложили им работать за 75% той платы, которую приехавшие получали на прежних местах. Рабочие было запротестовали, но сделать ничего не могли, не могли и возвратиться назад, поскольку за дорогу израсходовали все, что имели.

Не ограничившись этим, капиталисты повели на заводе дальнейшее наступление, вывесив в конце июля об'явление о сбавке расценок с 1 сентября. Снижение, например, по желёзу превысило 50%. Рабочие и местные и приехавшие решили дать фабрикантам соответствующий отпор: было постановлено недели за две до 1 сентября коллективно заявить расчет, если расценки будут сбавлены. Но события опередили их. 10 августа забастовали литейщики. Причиной стачки послужило то, что заводовладельцы начали давать старым мастерам ту работу, которую выполняли ученики. Расценки на эти работы были настолько мизерными, что рабочие с большим трудом вырабатывали ничтожную поденную плату.

11 августа они, собравшись на одной из окрестных гор, решили бастовать до 16 августа, а там об'явить расчет, если требования не получат удовлетворения.

В понедельник 13 августа на заводе появились окружной горный инженер Кихлер и исправник, с целью сорвать стачку. Исправник, пообещав вначале «замуровать стачечников в каменные стены», после начал «убеждать» литейщиков *«не предпринимать ничего сообща, а действовать в одиночку, не прекращая при этом работ»*.

Угрозы и уговоры подействовали на литейщиков и многие из них со вторника вышли на работу. Владельцам это было на руку—они мало того, что уволили 11 человек наиболее активных стачечников, но и понизили расценки еще.

Глядя на соседей, администрация Катав-Ивановского завода тоже решила поприжать рабочих, но осеклась. 12 июня 901 г. она приказала открывать ящик с контрольными номерами не за 5 минут до свистка «на шабаш», а после. Рабочие

механического, котельного и кузнечного цехов запротестовали, отказавшись брать номера, чем и заставили заводоуправление отменить это нововведение.

Позднее, в сентябре месяце, в рельсово-отделочном цехе того же за ода была вывешана новая «попудная» расценка на работы вместо «поштучной», что снижало заработок рабочих. Рабочие в числе 120 человек тотчас же бросили работу и ушли. Попробовало было заводоуправление заменить их рабочими других цехов, но ничего не вышло и расценки были оставлены прежние.

Не отставал в смысле под'ема рабочего движения и третий завод катавской группы—Юрюзанский. 17 апреля 901 г. рабочие сварочного цеха заявили протест против двухсменной работы и потребовали ввести третью смену, предварительно прекратив работу. Расчитывали стачечники на поддержку других цехов, но ошиблись, так как остальные рабочие завода, благодаря неорганизованности, остались безучастными. Стачка, таким образом, была сорвана. Жандармы, пользуясь случаем, хотели было раздуть дело против отдельных рабочих: Зайцева, Г. Гюнина, В. Шикунова и К. Смолина, но не удалось, не хватило обвинительных данных.

Попытка организовать районную стачку. Следя за событиями на своем и соседних заводах, рабочие в эти годы начали понимать, что чем организованнее пролетарские ряды, тем больше шансов на победы, поэтому-то в конце 901 года они начинают действовать сообща. Борьба с введением новых контрольных номеров может служить наглядным примером.

В ноябре месяце 901 года новые владельцы катавских заводов: «Бельгийская компания» установили новый способ контроля над рабочими. Каждый рабочий был снабжен двумя номерами, из которых один должен был сдавать табельщику, а другой носить на груди. Цель нововведения сводилась к тому, чтобы администрация могла ловить рабочих, когда они по личным делам выходят за пределы своего цеха.

Номера для каждого цеха были установлены особые.

При выдаче знаков, администрацией было об'явлено, что за снятие номера с груди, за самовольные отлучки из цеха рабочий будет подвергаться жестокому штрафу, по усмотрению управляющего.

Вскоре же после выдачи номеров рабочие поняли, что невинные на вид номерки обходятся им в копеечку, ибо за каждую незначительную отлучку администрация чувствительно штрафовала. Это-то и навело катавцев на мысль использовать

введение двойных номерков на заводе Юрюзань, как случай для протеста. В ноябре же катавцы обращаются к юрюзанцам с таким предложением:

— Если вы откажитесь брать номера, то мы вас поддержим, бросим свои. Знайте, что в настоящее время мы только и работаем на штрафы.

Юрюзанцы согласились и 1 декабря номера не приняли.

Катавцы поддержали.

Капиталисты поняли, что дело принимает очень серьезный оборот, раз рабочие выступают вместе, и они намечают хитрый план, направленный на дезорганизацию рабочих. Отсрочив введение номеров в Юрюзани до 15 декабря, администрация начинает мобилизовать все черные силы от жандарма до попа включительно.

Кроме этого, вывешивают об'явление, что рабочие, если они будут работать на заводе, получат лесные угодья из дач князя Белосельского-Белозерского бесплатно, за счет завода (не задолго до этого князь ввел на лес плату).

При чем отказавшиеся от приема номеров поставят себя, тем самым, вне завода и будут лишены бесплатного лесопользования.

Помимо об'явления администрации, в это же время на завод поступила «декларация» «самого» губернатора, который писал, что администрация, вводя номера, поступает правильно, и что непринявшие номера не могут расчитывать на поддержку (!) начальства.

Ко дню введения номеров, в Юрюзань пожаловали: жандармский ротмистр Шебанов, златоустовский исправник и поп Разумов. Вкупе с администрацией эта компания повела организованное наступление.

— Берите, ребята, номера-то—прямая выгода: и луга и лес и все, что хочешь!

Отдельные юрюзанцы, не усваивая махинации, начали по одному сдаваться, что и требовалось капиталистам. Чтобы не дать измениться настроению, они заставляют попа служить молебен, а рабочим отпускают на водку.

И юрюзанцы сдались окончательно.

Сломив Юрюзань, заводчики обрушились на катавцев, которые тоже, потеряв поддержку, вынуждены были сдаться.

Так закончилось хорошо начатое организованное выступление рабочих. Враг был силен.

Первая маевка „Искра" на заводах.

Начало 901 года в центре промышленного района быв. Уфимской губернии—Златоусте явилось новым этапом рабочего движения, более организованного и более четкого. Из одиночек-пропагандистов и

передовых рабочих начинают организовываться кружки, которые берут движение под свое руководство. В этом году на Златоустовских заводах впервые готовилось массовое празднование Первого Мая. Очень мало имеется в нашем распоряжении данных об этом дне, но все же из имеющихся можно судить, что подготовка к маевке прошла не плохо. К этому дню на заводе появилась прокламация, описывающая, помимо значения 1 Мая, основные задачи рабочего класса и расшифровывающая отдельные факты и события политического характера, имевшие место на Златоустовских и других Уральских заводах. Появилась в эти дни на заводе и газета «Искра», которая произвела на рабочих Златоуста сильное впечатление.

Донесение уездного исправника Климинова на имя жандармского управления сообщает:

> «Среди рабочих был разговор, что если будут беспорядки в Петербурге, то они произойдут и в Златоусте».

30 апреля рабочие прокатных цехов, категорически заявили, что они 1 мая выходить на работу не намерены. Когда же им был поставлен вопрос: по какой причине, то рабочие ответили, что они празднуют все годовые праздники и царские дни, а теперь хотят устроить свой собственный праздник. Подобные заявления последовали и со стороны части рабочих механического и снарядного цехов.

Как прошло первое празднование 1 мая, много ли рабочих участвовало, к сожалению, установить не удалось.

Рабочая касса в мастерских. Нужно считать, что зарождение «Союза социал-демократов и социал-революционеров» в Уфе относится к тому же периоду, когда начали возникать рабочие кружки, которые и явились базой для Союза. Исторические данные указывают, что Союз с первых же дней существования кружков берет под свое руководство и обслуживает их литературой и пропагандистами.

Через Союз в 900—901 годах начинают появляться газеты: «Искра» и «Революционная Россия», и издававшиеся революционные брошюры.

В мастерских и депо организаторами рабочих кружков в то время, да и после, были: Иван Якутов—слесарь сборного цеха, человек с недюжинной волей, с большими организаторскими способностями и правильным классовым чутьем; его ближайшие помощники братья Иван и Даниил Кулуковы, токарь Асеев Н., слесарь Мавринский И., слесарь Иванов Максим (провокатор впоследствии), столяры Васильев А. и Савыков В.,

слесарь Трампонец, литейщик Киреев А., токарь Морозов И., телеграфист Спиридонов, Медяков, Першин, Лазунов, П. Кузнецов, Парамонов, Мерзляков и др.

Работали в кружках также и революционные интеллигенты: Е. Сазонов, А. И. Малышев (студент, брат Л. И. Войковой с.-д.), Лихачев В. (под кличкой «Андрей Иванович»), Дубинин Вячеслав (служащий земской управы, работавший под кличкой «Иван Иванович»), гимназисты Серебровский и Кабанов, специально прикомандированные Союзом и др.

Говоря о рабочем движении в Уфимских железнодорожных мастерских и депо, нельзя не отметить того обстоятельства, что здесь рабочее движение принимало с первых же шагов наиболее правильные и организованные формы. За это говорит, хотя бы тот факт, что одновременно с организацией кружков, организуется и рабочая касса, как первичная форма профессиональной организации. Правда, эта касса преимущественно преследовала цели материального обеспечения революционной работы, но она же занималась и оказанием помощи передовым рабочим и их семьям в тех случаях, когда последние, как революционеры, оказывались в тяжелом материальном положении. Руководил такой кассой в железнодорожных мастерских, с начала их возникновения до зимы 902 г., рабочий Тимин Иван Иванович.

Финансы кассы составлялись из 2% отчислений революционных и вообще сознательных рабочих, подчас не состоявших ни в каком кружке. Ежемесячные поступления кассы не превышали 50—60 рублей.

Рабочая касса, помимо материальной пользы, сыграла в то время большую организующую роль, спаивая и дисциплинируя те же кружки.

Первая Маевка в Уфе.

К 1902 году рабочие кружки в железнодорожных мастерских и депо настолько окрепли, что решили организовать массовую маевку за городом. И 18 апреля рабочие в числе 60 человек собрались на берегу реки Белой. Революционный актив того времени: Якутов, Асеев, Мигунов, Мавринский, братья Кулуковы, Тимин и др. явились в первую очередь.

На маевке студент Малышев сделал доклад о значении первомайского праздника, а Тимин отчитался в финансовом состоянии кассы, в которой на этот день имелось 119 рублей.

Маевка прошла вполне благополучно. Полиция, зная о ней, усиленно искала место сбора, но не нашла.

Успех первой маевки настолько окрылил рабочих, что они решили повторить ее и 23 мая под видом катания на лодках, снова собрались на условленном месте.

На этот раз программа дня ограничилась читкой и обсуждением статьи о бунте крестьян Херсонской и Полтавской губерний, помещенной в одном из номеров «Искры».

Забастовка в депо. Начиная делать массовые вылазки, кружки не ослабляли, а напротив усиляли пропаганду и политучебу. На конспиративных квартирах, а их было сменено много, шла энергичная проработка имеющейся литературы включительно до «Капитала». Мало этого рабочие мастерских и депо взяли «под обстрел» и периферию. Машинист Ашихмин заделался подпольным книгоношей, развозя литературу по линии.

Все это способствовало быстрому росту классового самосознания рабочих. У станков начинали все громче и громче раздаваться возгласы недовольства. Рабочий под влиянием новых для него идей все острее осязал непривлекательность бытия, свою нужду и все больше начинал понимать, почему одни живут хорошо, а другие плохо.

Нужен был какой-то толчек извне, чтобы массы вспыхнули. Таким толчком в депо ст. Уфа послужила невыплата в срок заработной платы. 22 октября 1902 года деповцы бросили работу. Но бросили не все. Значительная часть рабочих, еще неприобщенная к классовой борьбе, под страхом жандармских угроз, осталась на работе. Стачечникам пришлось силой заставить их бросить работу.

Цеха опустели.

Жандармерия и администрация подняли тревогу.

А через два дня зарплату выплатили.

Успех первой стачки укрепил ряды рабочих.

Оживление в обществе врачей. Дальнейший под'ем рабочего движения в первые годы нового столетия, несомненно, оказывал свое влияние и на интеллигенцию. То же «Общество Врачей» бывш. Уфимской губернии начинает проявлять признаки жизни, в общественном смысле. В 901 году оно пересматривает устав, организует научную библиотеку, свои заседания переносит из-под крылышка начальства (из зала Губернского Правления) в другое место и т. д.

А в 902 году общество делает вылазку в массы. Начинается систематическая читка лекции населению по санитарии, гигиене, уходу за больными и т. д. Лекции читаются аккуратно в каждое воскресенье.

Помимо работы культурно-просветительного характера, оно поднимает уже экономические и правовые вопросы. Выступает на защиту аптекарского ученичества. Требует урегулирования рабочего дня подростка и введения двойной смены. Аптеко-

владельцам оно предлагает обеспечить ученику в аптеке учебу, а не использовывать его для физических работ, а также упорядочить условия труда в аптеках вообще.

Только в «Обществе Вспоможения Частному Труду» все остается по-старому. Те же «Титы», при благосклонном участии «его превосходительства» продолжают разыгрывать полузубатовскую комедию, затемняя мозги бесчеловечно эксплоатируемых приказчиков. Правда, в 901 году в обществе происходило большое событие—открывали свой клуб, которому суждено было впоследствии сыграть большую роль в революционных событиях. На открытии губернатором была произнесена речь о служении золотому мешку и о божьей помощи, но уже с некоторыми признаками либерализма. (Эпоха сказывалась даже и на губернаторах).

Но более откровенно говорил губернатор в следующем году в Златоусте, к чему мы и подходим.

Расстрел рабочих Златоуста. Под‘ем рабочего движения, как мы видим из предыдущих фактов, бесспорный, рост классового самосознания рабочих, рост организованности в пролетарских рядах,—все это не только нервировало буржуазию, а уже вызывало со стороны последней, как и царского правительства, определенные опасения за свое благополучие. Те меры борьбы с наростающим движением, как-то: аресты, тюрьмы, увольнения, и др. уже начинали казаться эксплоататорам-палачам недостаточными. Буржуазия, в панике, начинала искать какие-то новые приемы расправы над рабочими, расчитывая одним ударом убить рабочее движение. Поэтому-то расстрел златоустовских рабочих в 903 году нельзя рассматривать как внезапное наступление на рабочий класс, как какую-то случайность. Это событие было только очередным звеном борьбы двух классов.

Новые расчетные книжки. Прежде, чем говорить о самом факте расстрела, посмотрим, хотя бы кратко, на почве чего возник мартовский конфликт между рабочими и администрацией завода.

В конце января этого года Управление Златоустовского горного округа об‘явило рабочим заводов о том, что оно намерено пересмотреть существующие условия найма и заменить старые расчетные книжки новыми.

Рабочие, ознакомившись с книжками, принять их отказались, так как нашли, что они содержали в себе прямые нарушения тех прав, кои были предоставлены горно-заводскому населению законом 861 года.

И действительно. Протокол осмотра книжек обоих об-

разцов, а также показания рабочих и секретные донесения полиции прямо указывают на вопиющие нарушения установленных условий найма.

Изменения в пункте 3 расчетной книжки выразились, например, в том, что была совершенно выпущена следующая ссылка:

> «в случае нежелания рабочего производить новые работы—он освобождается от них, с прекращением содержания, *сохраняя однако права свои положением 8 марта предоставленные*». (курсив наш. В. Г.).

Кроме того, в этом же пункте предусмотрен новый повод к прекращению контракта, а именно: «*с прекращением уже принятых заказов*».

Что это значило?

Первое изменение означало, что в случае увольнения рабочего он терял право, как член горно-заводского товарищества, на получение леса, лугов и др. льготы, т. е. лишался всех средств к существованию, ибо, не имея этих прав, он не смог бы заниматься и хозяйством.

Второе же расширяло права администрации при увольнениях.

Дальше, пунк 6 увеличивал число рабочих дней в году. Если по старым условиям число рабочих дней определялось от 180 до 250, то в новой книжке уже было установлено от 220 до 250 дней.

Сокращение нерабочих дней для златоустовца того времени имело большое значение, поскольку он, находясь в специфических экономических и бытовых условиях, имея свое полукрестьянское хозяйство, должен был затрачивать определенное время на заготовку корма скоту, например, или на заготовку топлива.

Пункт 11 новой книжки по сути был совершенно новым, он устанавливал обязательный медицинский осмотр рабочих при поступлениях. И это нововведение было не в пользу рабочих, так как оно только гарантировало администрации здоровый состав рабочих и давало ей возможность избегать выплаты пенсий.

Вот те основные нарушения закона 861 года и новые дополнения, которые вызвали вполне законный отказ рабочих от получения книжек.

С момента об'явления Управления Округа вплоть до первых чисел марта, рабочие не переставали говорить и протестовать против новых книжек, но начальство было непреклонным.

И 7-го марта рабочие больше-прокатного цеха в числе

160 человек после продолжительных переговоров, поставили вопрос прямо:

— Книжек не примем. Если же будете настаивать, то 10 марта на работу не выйдем.

Администрация же, чувствуя под собой твердую почву (надеялась на губернатора), ответила своим ультиматумом:

Если не выйдете, то поденных уволим, а работающих по условию привлечем к ответственности.

Однако, прокатчики не испугались. В назначенное число не явились на работу всем цехом. А около 3 часов дня того же числа толпой в 500 человек пришли к Управлению Округа, где еще раз подтвердили, что книжек не примут.

Вели себя и разошлись стачечники спокойно.

На следующий день рабочие собрались уже в числе 2000 человек и потребовали горного начальника. Тот, явившись, передал толпе распоряжение министерства о том, что рабочим приказано приступить к работам.

В таком случае мы все с завтрашнего дня не выйдем, пообещали рабочие, расходясь кто по домам, кто по цехам.

Вечером этого же дня губернатор Богданович, получив телеграмму о волнениях, начинает действовать: отдает распоряжение нарядить на завод две роты Моршанского баталиона, якобы для охраны имущества и «благомыслящей» части рабочих (из официального сообщения), а затем выезжает в Златоуст сам.

В ночь с 11 на 12 были привезены войска и арестованы два депутата от рабочих: Фильмончкин и Симонов. Это обстоятельство сильно взволновало рабочих. Утром 12 они собрались на заводском дворе и, когда появился исправник, обратились к нему с просьбой об освобождении арестованных на поруки всего общества. Исправник заявил, что это от него не зависит:

Обратитесь к жандармскому ротмистру Долгову.

Председатель попечительного приказа так же отказался исполнить просьбу рабочих о составлении прошения об освобождении арестованных, запретив составлять таковое и своим писцам.

Тогда, руководствуясь указанием исправника, рабочие пошли к ротмистру.

Ротмистр им сначала сказал, что арестованных увезли в Уфу, но после, видя, что ложь не подействовала, заявил:

Не могу освободить арестованных, так как это зависит от губернатора и начальника губернского жандармского управления, которые сейчас должны приехать и которых он едет встречать.

Рабочие, не добившись толку и здесь, пошли на площадь ждать губернатора.

Но простояв на площади до 4 часов дня, они решили, что их опять обманули и вновь пошли к исправнику. Здесь еще раз повторили просьбу об освобождении арестованных, но уже в более резкой форме. Исправник, струсив, призвал войска. Он думал даже стрелять, но воинский начальник отговорил от этого.

Около 7 часов вечера приехал губернатор с начальником губернского жандармского управления и прокурором. Двое рабочих подали губернатору прошение об отмене новых книжек и освобождении арестованных депутатов на поруки «всего общества», падая при этом ему в ноги. Пала в ноги губернатору и жена арестованного Филимошкина с детьми. Но губернатор отказался разобрать дело, предложив рабочим прислать утром депутатов. Рабочие отказались выбирать:

— Депутатов арестуют, как арестовали Филимошкина и Симонова,—говорили они.

В конце-концов инженер Жеголковский уговорил рабочих разойтись по домам, чтобы *утром придти и узнать о деле*. Утром рабочие опять сошлись и опять начались разговоры об освобождении арестованных. Губернатор говорил, что не может сделать этого до разбора дела и потребовал, чтоб рабочие разошлись. Рабочие стояли на своем.

Наконец, прокурор и начальник жандармского управления решили ехать в тюрьму для допроса арестованных. В сани к ним сел жандарм. Рабочие, видя это, решили, что жандармский начальник и прокурор хотят уехать в Уфу и, возможно, увезти с собой арестованных.

— Идите пешком, а то опять обманете нас, — заявили они, распрягая лошадей. В этот момент губернатор, очевидно, решил, что время для выполнения задуманного пришло и *послал в толпу полицейских*, которые, по их собственным словам, предложили: «*посторонним» разойтись*.

Но толпа продолжала шуметь и волноваться.

Когда полицейские вернулись, губернатор приказал бывшему при нем поручику дать платком сигнал к стрельбе 2 ротам (стоявшим в 150 шагах), а сам скрылся в дом горного начальника. Вслед за ним были втащены туда же три женщины с ребятами, стоявшие около него.

Тем временем были даны сигналы на рожке, которые почти не были слышны, да толпа и не понимала их. Рабочие не верили, что в них будут стрелять.

— Разве мы бунтовать пришли, — говорили они.

Словесных предупреждений со стороны ротного командира, командовавшего стрельбой, не было.

Когда раздался первый залп, передние ряды, чтоб спастись, бросились к дверям вслед за уведенными женщинами, *но взвод солдат скрытый в передней горного начальника, в свою очередь, стал стрелять в них сквозь стеклянную дверь.* Стоявшая вдали рота продолжала посылать залп за залпом. Стреляли до тех пор, пока на площади никого не осталось, кроме раненых и убитых.

По официальным данным, убитых и умерших от ран было около 50 человек, а раненых преимущественно в спину около 80. Фактически же жертв было гораздо больше, чем указывали жандармы в своих официальных донесениях, так как раненых рабочих подбирали родственники и *прятали* их от начальства.

Заводская площадь вся была улита кровью рабочих, начальство в тот же день приказало смыть кровь из пожарных машин, но от этого стало хуже, так как разбавленная кровь еще ярче закрасила площадь и улицы, которые вели к больницам. Тогда приказали засыпать кровь песком.

Раненых и мертвых возили вместе, как дрова, и путь их весь был улит кровью.

Заводская больница была расположена далеко от места расстрела, так что раненые рабочие при перевозке вместе с трупами испытывали неописуемые боли и физические и душевные. Товарищ Елагина свидетельствует, что уже вечером, придя в больницу, она слышала как раненые в коридорах *молили о том, чтобы их добили.*

На второй день начались массовые аресты, которые продолжались целые месяцы.

Эпилог златоустовской драмы.

Совершив кровавую расправу над беззащитной толпой, губернатор Богданович начал создавать вокруг дела «общественное мнение». В «Уфимских Ведомостях» появилось официальное сообщение, которое рисовало бойню, как подавление вооруженного (!) восстания златоустовских рабочих. А в акте, составленном по этому поводу, Богданович даже включил пункт, якобы, о имевших место выстрелах со стороны толпы, которыми будто бы были ранены помощник исправника Любовицкий и жандармский унтер-офицер.

Но выдуманное обвинение, даже при существующих тогда порядках, должно было разлететься в пух и прах, так как доказать не существующее было невозможно. Исправник Любовицкий, выставленный жертвой «восстания», куда-то бесследно ретировался, и рана жандарама оказалась простой царапиной

(есть предание, что он, из преданности начальству, сам ее расковырял), которую врач, под сильным давлением прокурора (показания его на суде), вынужден был признать *«возможно причиненной пулей»*. После же на суде этот врач от заключения на предварительном следствии категорически отказался.

Второе обстоятельство, на котором строилось обвинение, якобы, установленное «самовооружение одной участницы» событий кинжалом, оказалось курьезом.

— Вязальные спицы купила, с ними и была на площади,— заявила она перед судом.

Но лучшим доказательством невинности рабочих могут служить слова штабс-капитана Шкальского (приемщика снарядов), который в гостях у адмирала Темгина заявил:

— Губернатор преступник, каторжанин, его самого следовало бы расстрелять за рабочих.

Таким образом, губернатору не только не удалось оправдать себя перед либеральной буржуазией, но не удалось и осудить оставшихся в живых участников события—рабочих. Царский суд из 35 обвиняемых 30 человек оправдал, а пятерых присудил за беспорядки от 1 до 3 месяцев тюремного заключения.

Роя яму рабочим, Богданович попал сам в нее. Вскоре же неизвестным подпольщиком он был расстрелян. Так кончилась кровавая эпопея 903 года.

Она раскрыла малосознательной части рабочих, что буржуазия и ее правительство без боя не сдадут ни одной пяди.

Стычки с жандармами. В Уфе 903 год также не прошел спокойно. Еще до златоустовской бойни по поводу годовщины раскрепощения крестьян (в ночь с 18 на 19 февраля) были расклеены прокламации Уфимского и Самарского Комитета РСДРП, призывавшие к борьбе с самодержавием.

Осведомленная провокаторами полиция сделала в ту же ночь обыски у бр. Кулуковых, Н. Асеева, А. Пшеничникова и А. Мигунова. В результате обысков были арестованы многие рабочие, а в числе их Рассказов и, содержавший конспиративную квартиру, Иванов Максим. Оба последние выдали на допросе всю организацию. В итоге оказались арестованными и привлеченными к ответственности бр. Кулуковы, Н. Асеев, И. Тимин, И. Мавриинский, И. Якутов, В. Александров, А. Малышев, В. Дубинин, В. Лихачев, Б. Нейфельд, И. Тихонов, А. Москательников (впоследствии тоже провокатор), Пшеничников и Мигунов—в общем весь актив подполья. Кроме того, 16 человек рабочих были взяты полицией под тайный надзор.

Рабочие поняли, что полиция взяла новый курс, начала применять новые методы в борьбе с рабочим движением и стали еще строже конспирировать революционную работу. Однако, это не повлияло на развертывание массовой пропаганды—она своим чередом росла. Листовки и прокламации то-и-дело появлялись на рабочих верстаках.

После казни Богдановича железняки наметили было совместно с городскими рабочими организовать (14 мая) демонстрацию, но вторичный арест организаторов бр. Кулуковых сорвал ее.

Оживление у приказчиков. Первый кружок у стеклодувов.

В Обществе Вспоможения Частному Труду предыдущие годы прошли также незаметно, как и раньше. Купцы давали подачки (Скрипов, например, пожертвовал иконы), а приказчики смиренно смотрели. Но события 903 года проникли и сюда. В этом году, впервые, здесь раздается голос за улучшения условий труда торговых служащих: общество выносит постановление о поддержке ходатайства уполномоченного одесских приказчиков А. М. Гудвана, касающегося нормировки рабочего дня и установления дней отдыха. Правлению поручается возбудить по этому поводу ходатайство перед правительством.

Хотя это постановление и не увенчалось никаким успехом, но то обстоятельство, что приказчики впервые «одолели» при голосовании членствующее купечество, говорит за многое: оно показывает, что и здесь брожение началось.

В 903 году начинается впервые работа среди стеклодувов на Богоявленском (ныне Красно-Усольском) заводе. Приехавший туда учитель Крюгер (из Петербурга) начинает раскрывать глаза рабочим на действительность. Он же организует первый кружок из четырех рабочих: Птицина, Ямщикова, Молчанова и Комлева. Кружок собирается на квартире Крюгера, где и прорабатывает марксистские теории.

Позднее, в 904 году, работа здесь развернулась значительно шире. Приехавшие студенты: братья Кадомцевы Михаил и Эразм, Гутоп, Казармов и Коннов, организуют работу по ознакомлению рабочих с классовой борьбой и программами всех уже существовавших в России партий.

Затишье перед грозой. Казна эксплоатирует рабочих.

Грозе всегда предшествует затишье. Таким затишьем и был 904 год на территории бывшей Уфимской губернии. Рабочие металлургической промышленности долго не могли притти в себя после златоустовской бойни, а железняки после ряда провокаций, словно чувствуя надвигающиеся грозные дни, ушли в глубокое

подполье готовить силы. Поэтому-то все материалы, имеющиеся в наших архивах, не отмечают в этом году ни одного сколько-нибудь выдающегося события.

Внимание либеральной буржуазии в 904 году было сосредоточено на Уральской промышленности. События 903 года заставили ее порыться в горно-заводских порядках. На страницах «Нового Времени», например, начали печататься статьи Скальковского, певшего дифирамбы горному ведомству. В революционной же печати (за границей) появлялись статьи, расшифровывающие гнусную эксплоатацию уральских рабочих, даже со стороны самой казны. Эти источники рисуют, как казенные заводы обворовывали рабочих снарядных производств.

Если на частных заводах владельцам удавалось за хорошее угощение и солидные «куши» сдавать лучше продукцию приемщикам военного ведомства, то на казенных делалось иначе. Здесь дать взятку было не из чего, поэтому мирились с тем, как примет приемщик. А он не церемонился, браковал снаряды за каждую мелочь. Заводоуправление же все убытки от брака сваливало на счет рабочих. Часто браковались снаряды из-за скверной обточки, а как их было точить, если станки никуда не годились? Или браковали хорошо отточенный стакан из-за внутренних пороков.

Виноват ли был в этом токарь?

При такой постановке дела рабочий этих цехов получал не более 12 рублей в месяц. Жил, конечно, чрезвычайно плохо.

Это-то обстоятельство и создавало благоприятную почву для пропаганды за активную борьбу с самодержавием и буржуазией. Ибо, чем хуже становилось материальное положение, чем сильнее было недовольство, тем охотнее рабочий прислушивался к голосу подпольных организаций. Вот поэтому-то грядущий год великой репетиции революции и прошел на территории б. Уфимской губернии бурно.

905 год на территории быв. Уфимской губернии.

Первые шаги. *«Между рабочими хотя и не происходит более выдающихся движений, но почти в каждом из них проглядывает какая-то затаенная злоба»*—так определял один из златоустовских жандармов настроение рабочих накануне 905 г.

Он был прав:

12-ти часовой рабочий день на многих заводах б. Уфимской губернии, быстрый рост дороговизны, при заработной плате на уровне предыдущих лет, с одной стороны, усиливающиеся репрессии правительства капиталистов—с другой, сильнее всякой пропаганды революционизировали рабочие массы.

Недовольство эксплоатируемых к началу этого года достигло своего апогея. Даже «благомыслящая» часть рабочих—по-жандармски (правильнее: наиболее отсталые рабочие) начала поднимать голову.

Не хватало какого-то толчка со стороны, чтобы это недовольство вылилось наружу. И этим толчком явились события 9 января и другие последующие. Правда, в первые дни рабочие, не будучи хорошо осведомленными о происходившем, сравнительно слабо реагировали на них, но зато позднее показали капиталистам свою классовую и солидарность и зрелость.

Первыми откликнулись на события «9 января» миньярцы и рабочие Уфимских желдорожных мастерских. Те и другие тотчас же, по получении сведений о расстреле рабочих, приступили к сбору средств в пользу вдов и сирот расстрелянных.

С другой стороны, рабочие начали вести активное наступление на эксплоататоров-палачей. Так, рабочие механического цеха Катав-Ивановского завода уже 18 января, в числе 200 человек, придрались к заведующему цехом Гостинцеву и потребовали его увольнения, а на следующий день просто выгнали последнего из цеха. Но на этом не остановились катав-ивановцы: 21 числа они пред'явили ряд экономических требований.

Кусинцы в эти же дни потребовали введения 8-ми часового рабочего дня. А железнодорожники (уфимское депо) еще 15 января, собравшись в числе 100 человек, потребовали от начальства повышения зарплаты и выплаты мобилизационных, по при-

меру Сибирских дорог (Самаро-Златоустовская дорога тогда была об‘явлена на военном положении).

— Подайте письменное прошение. У нас распоряжений на этот счет нет,—ответила на первое выступление рабочих администрация.

Несколько позднее, 1 февраля, выступили и рабочие мастерских. В числе 60 человек они явились к начальнику мастерских инженеру Лопато и пред‘явили ему такие требования:

Пересмотреть расценки, совместно с выборными от рабочих;

— Ограничить приработок до 100%;

— Ограничить число вечеровок до 3 в неделю;

Прием и увольнение производить совместно с выборными от рабочих;

— Устроить при мастерских приемный покой и усилить снабжение медикаментами железнодорожной аптеки.

Характерное в этих требованиях желязняков то, что они первые поставили прямо вопрос о создании института своих представителей.

Лопато, приняв требования, обещал ходатайствовать перед начальством, поэтому дело не дошло до конфликта и рабочие продолжали работать, но так продолжалось не долго.

Первая политическая стачка.

Под влиянием повседневных событий, как в центре, так и на всем Урале, рабочие южно-уральских предприятий начинают довольно энергично переходить к наступлению на заводовладельцев. Миньярцы, например, заставили Балашева еще в начале 905 года ввести 8-ми часовой рабочий день. Хотя ввел он его за счет рабочего, понизив соответственно заработную плату. Рабочие, запротестовали. И больше: однодневной забастовкой (25 апреля) заставили хозяина увеличить заработную плату на 10%, но все же она осталась против прежнего уровня пониженной.

Катав-ивановцы позднее (23 апреля) то же потребовали введения трех смен, или 8-ми часового рабочего дня, а 3 мая они вручили управителю письменное заявление. Помимо пунктов об улучшении экономического положения, в этой петиции были включены и требования уже чисто политического характера.

Пункт 6, например, требовал:

«Свобода рабочих союзов и собраний, неприкосновенность личности и жилища».

Пункт 5:

«Принимать и увольнять с работы по усмотрению выборных от рабочих лиц».

6 мая опекунское управление (над имуществом князя Белосельского) телеграфно ответило рабочим на это:

> «Требования рабочих отклонить безусловно и, в случае отказа мастеровых от работы, через три дня после прекращения работ закрыть Катавский завод, об'явив мастеровым расчет»...

7 мая, после об'явления управителем ответа опекунского управления, рабочие забастовали. Доменные печи с металлом были администрацией закупорены.

На заводе создалось неопределенное положение: с одной стороны, рабочим нужно было заставить владельцев выполнить требования, а с другой—продолжение забастовки выводило печи с металлом из строя, что грозило длительной безработицей. Среди забастовавших появились колебания.

11 мая на завод прибыла воинская часть. Это еще сильнее подействовало на остальную часть рабочих. И катавцы не выдержали: 12 мая все в числе 1657 человек встали на работу.

Встреча с губернатором. „Долой самодержавие".

1 мая 905 года на «Чортовом Городище», близ Уфы, собралось около 500 человек железняков и горожан. Собрались уфимцы, якобы, на пикник: с самоварами и закуской. На самом же деле это была рабочая маевка. Был организован митинг, посвященный событиям, на котором выступали представители социал-демократической организации и от эсеров.

Полиция пронюхала о маевке и двинулась туда.

Рабочие узнали об этом уже тогда, когда полицейские были близко. Сначала митингующие было стушевались, но быстро оправились и решили организованным порядком направиться к городу.

У кирпичных заводов колонна встретилась с самим губернатором, который возглавлял тоже «шествие» из солидной воинской части.

— Кровопийца!

— Долой самодержавие!—так встретили губернского цербера демонстранты. Губернатор дал знак и полицейские совместно с солдатами бросились ловить рабочих. В этот день было арестовано около 50 человек. Но аресты не потушили назревшей вспышки.

Стачка у железняков и ее последствия.

Партийная организация железнодорожных мастерских и депо, учитывая настроения рабочих, поставила вопрос о забастовке. После предварительного обсуждения в кружке было решено созвать массовое собрание рабочих.

И вот, в один июльский день, рабочие, собравшись на раз'езде «Воронки», единогласно решили об'явить забастовку и в мастерских и в депо. Для проработки требований была тут же избрана комиссия, в которую вошли рабочие: Агапов, Минеев, Артамонов, Григорьев и Летковский.

Днем об'явления забастовки было намечено 4 июля, но арест комиссии и активистов перепутал все карты. Однако, кое-кто из оставшихся руководителей довели задуманное до конца, взяв на себя руководство.

5 июля в мастерских раздался призывный гудок.

По гудку рабочие быстро сбежались в сборный цех, где тотчас же открылся митинг.

Приехавший пропагандист информировал рабочих о под'еме рабочего движения по всей России.

В разгаре митинга в «сборке» появилась администрация.

— Ваши требования?—поставила она перед рабочими вопрос.

Масса смутилась, ибо, благодаря ареста комиссии, «петицию» составить не успели. Но вышли из положения.

— К 12 часам получите наши требования,—заявили передовики и предложили собравшимся тут же избрать комиссию.

В новую комиссию вошли: Матвеев, Петров и Фролов.

В назначенное время требования были вручены. Их подлинная суть вот:

1) Восьмичасовой рабочий день.

2) Отмена сверхурочных работ.

3) Прибавка жалованья поденным, получающим до 1 р. 30 коп. в день, а выше рубля—20 коп.

4) Жалованье чернорабочим установить от 80 к. до 1 р. в день.

5) Выдать по окончании забастовки при вступлении на работу мобилизационные деньги по 20 коп. на заработанный рубль, со дня об'явления дороги на военном положении.

6) Выдачу жалованья производить через 2 недели, в среду перед базарным днем, это нам даст возможность покупать жизненные продукты из первых рук, без всякой надбавки в пользу кулаков, что у нас практикуется при существующем порядке. Первая получка без процентов, вторая с процентами.

7) Увеличить расценки в некоторых цехах на сдельные работы до 35 проц.

8) Вступительная плата мальчиков учеников 35 к. в день.

9) Вступительная плата мастеровых всецело должна *зависеть от комиссии выборных*, добросовестных и знающих эту специальность мастеровых, совместно с администрацией мастерских.

10) Во время болезни рабочих и мастеровых платить им полное поденное жалованье с первого же дня болезни.

11) За увечье платить полуторное жалованье, во время болезни каждое ранение и увечие должно быть исследовано комиссией *совместно с мастеровыми.*

12) В мастерских чтобы находилась аптечка с небольшими медикаментами и фельдшерами для оказания первой медицинской помощи.

13) Улучшить гигиенические условия работы.

14) Улучшить состояние больницы: увеличить штат докторов по специальностям, устроить женское и детское отделения; при больнице должна быть женщина-врач; за неимением лекарства в железнодорожной аптеке прописанные частными врачами рецепты оплачивать за счет железной дороги; на все время производства работ, также и на праздники, ввести в больнице дежурство врача.

15) По заключению комиссии докторов и выборных от рабочих серьезно больным предоставлять, беспрекословно, пособие и признанное лечение за счет дороги.

16) Расширить железнодорожное училище, чтобы не было отказа мастеровым и рабочим в поступлении в оное детей их.

17) Отменить плату с детей мастеровых и рабочих в железнодорожном училище и снабжать их всеми необходимыми книгами и учебными принадлежностями.

18) Поступающие дети учениками в железнодорожные мастерские должны быть осмотрены медицинским персоналом совместно с комиссией из выборных от рабочих.

19) Ограничить труд малолетних с 15 до 17 лет шестью часами и устроить для них вечерние и праздничные курсы с программой средне-учебного заведения.

20) Отделить от котельного цеха школу учеников (вследствие преждевременного разрушения слуха от производящихся там котельных работ) и назначить им профессиональных руководителей, с соответствующим образовательным цензом.

21) Устроить за счет дороги библиотеку и читальню для мастеровых и рабочих с программой городской публичной библиотеки.

22) Отменить существующий порядок выдачи билетов поденным: а) чтобы билеты выдавались по количеству наравне со штатными служащими; б) имели бы равное право с покупными; в) чтобы семейные билеты выдавались здесь в мастерских от своего начальства по первому требованию; г) чтобы нам не приходилось прибегать ни к каким выдумкам и ухищрениям для получения их.

23) Прослужившим один год давать месячный отпуск с сохранением жалованья.

24) Перенести ремонт машин и станков с рождественских и святочных каникул на июль месяц, с 1 по 15.

25) Заменить некоторых бригадиров выборными до окончания забастовки.

26) Свобода собраний всех мастеровых и рабочих для обсуждения своих нужд в помещениях по указанию администрации мастерских.

27) Третейский суд.

28) Устроить в Уфе лавку общества потребителей, независимо от существующей в Самаре, на паевых началах и под контролем комиссии из выборных от мастеровых и рабочих.

29) Уплата жалованья за время забастовки.

30) Чтобы никто не пострадал и не был уволен за забастовку.

31) *Ходатайствовать перед г. губернатором о немедленном освобождении арестованных, с 2 по 5 июля сего года, мастеровых.*

32) Вежливое обращение администрации с мастеровыми и рабочими.

33) Процентное вознаграждение не задерживать три месяца, а выдавать вместе с получкой первого месяца.

Аналогичные требования пред'явили и деповцы.

Столь дружное выступление железняков и поддержка их со стороны рабочих чугунно-литейного завода Фролова, вызвали среди полиции и местной буржуазии панику. Во все концы полетели телеграммы о посылке войск и жандармов. Местное полицейское Управление стянуло всех стражников и урядников даже из уездов.

Губернатор пробовал несколько раз запугивать рабочих штыками, но ничего не действовало.

Наконец, Управление дороги решило итти на уступки. В Уфу прибыл начальник тяги Бергман.

Начались переговоры.

Рабочие сначала настаивали на всех требованиях упорно: но вскоре же поняли, что удовлетворения всех их добиться пока невозможно и они от многих пунктов отказались.

Соглашение было заключено на условиях повышения поденной зарплаты от 10 до 12 копеек, освобождения арестованных и др. Важнейшие же требования, в том числе и о 8-часовом рабочем дне не получили удовлетворения. Тем не менее работы с 11 июля начались.

Эта забастовка дала положительные результаты в том

смысле, что отсталая часть рабочих, боявшаяся политики, на этот раз уверовала в силу организованности и признала авторитет руководящего ядра. Кроме того, она явилась стимулом к усилению рабочего движения по всему восточному участку Самаро-Златоустовской железной дороги (забастовки в Златоусте и Челябинске).

Октябрьские дни. Волна стачек. Промежуток времени между июльской забастовкой железняков и октябрем 905 г., если не считать забастовок телеграфистов и рабочих златоустовского депо, проходит внешне спокойно. Рабочие мастерских в эти дни целиком отдались организационной и пропагандистской работе. Во всех цехах появились цеховые организаторы-пропагандисты, назначенные партийными организациями, установилась связь с Самарой и Петербургом и началась проработка в подполье новых лозунгов, новых задач рабочего движения.

Работал тем временем и центр. Часто стали приезжать, под видом проводников, пропагандисты центра, которые и инструктировали места по вопросу о всеобщей забастовке.

Цель новой забастовки, по этим директивам, должна была, в основном, свестись к пред'явлению политических требований.

В этом направлении и велась работа в уфимских мастерских и депо.

По воспоминаниям тов. Олезова директива об об'явлении забастовки была получена из Самары 12 или 13 октября. В действительности же это было, очевидно, раньше, ибо уже 11 октября забастовали железнодорожники ст.ст. Вязовая, Улу-Теляк и Кропачево. Но это не так важно; важно то, что в ночь с 13 на 14 декабря на «Воронках» состоялось массовое собрание (по воспоминаниям т. Трясоногова присутствовало около 1000 человек), на котором все единогласно решили с утра 14-го прекратить работы. Новые лозунги, т. е. политические требования, были приняты целиком.

На утро 14 октября, часов около 8, в мастерских раздался гудок и звон буферных тарелок. Рабочие, в большинстве своем уже подготовленные, бросились в сборный цех. Собралось всех рабочих около 3000 человек. Тотчас же открылся, под председательством И. Якутова, митинг. Речи выступавших были целиком посвящены назревшим событиям. Предложенные требования и здесь были приняты без возражающих.

— *Введение 8-часового рабочего дня;*
— *Право на организацию профсоюзов;*
— *Созыв учредительного собрания*—вот основные из них.

В разгаре митинга в мастерских появился губернатор Цехановецкий, в сопровождении полициймейстера. Рабочие ему лично немедленно же пред'явили упомянутые требования, добавив их вопросом о разрешении устроить в городе демонстрацию.

Губернатор, не обещая ничего по существу первых требований, дать разрешение на демонстрацию категорически отказался. После этого рабочие решили итти продемонстрировать свою силу без разрешения.

Стройной трехтысячной колонной, с развернутым красным флагом, двинулись железняки в город. Шли по Центральной улице.

На углу Центральной и Богородской улиц демонстранты столкнулись с отрядом полиции, возглавляемым полициймейстером. Последний попытался было уговорить рабочих разойтись, но ничего не вышло—колонна двигалась.

На углу Достоевской появилась новая преграда—рота солдат с винтовками на перевес.

«Николай Иванович», поднятый на руках, обратился было к солдатам с речью, в которой призывал их не стрелять в рабочих, но офицер отдал приказание горнисту—играть сигнал.

Рожок заиграл. Затворы щелкнули. Рабочие дрогнули. Часть бросилась прятаться, а часть наиболее стойких также организованно повернулась и пошла сопровождаемая солдатами обратно. У сада (ныне им. И. Якутова) рабочие разошлись.

На следующий день в мастерских было созвано узловое общее собрание, на котором и был избран стачечный комитет в числе 25 человек.

В него вошли: Лазунов, Волков, Буркевич, Никаноров, Андреев, Першин, Матвеев (от депо), Брынских, Нечаев, Нехаев, Токарев (от мастерских) и др.

В этот же день начали бастовать рабочие и служащие города. Забастовали рабочие: мельницы Костерина и завода Гутмана и служащие: губернской земской управы, городской управы, городского банка и частных торговых фирм (например, приказчики Вячкилева и др.).

Волна стачек, так успешно начатая уфимцами, грозным предостережением прокатилась по всей губернии. 15-го же забастовали рабочие Златоустовских заводов, за исключением доменных цехов; 19-го началась стачка на Усть-Катавском и Катав-Ивановском заводах; 20-го—на Юрюзанском, а несколько позднее—на Кусинском, Саткинском и других заводах. Почти повсеместно рабочие выставляют лозунги: «Долой самодержавие», «Восьмичасовой рабочий день» и др.

В первые дни забастовки железняков, в Уфу из Самары

прибыли делегаты дорожного стачечного комитета, в задачу которых входило установить более тесную связь рабочих мастерских с дорожным центром. А 16 октября уфимцы предполагали отправить своих делегатов в Самару, но управление дороги не разрешило пустить специальный поезд. Ездили уфимские делегаты в Самару или нет, осталось не выясненным.

Организация контр-революционных сил. В то время, как рабочие сплачивали свои ряды, продумывали тактику своей борьбы и самовобружались (в эти дни была создана и вооружена боевая дружина) капиталисты и полиция тоже не дремали. Они сколачивали свою армию из различных человеческих отбросов (лавочников, обитателей толчка и т. п.). Махровые организации черносотенцев росли в эти дни, как грибы. Среди железняков последователи Георгия Победоносцева нашлись тоже. Здесь на первом месте были:

По мастерским: Попов, Шилов, Ерофеев, Глебов, Свиньин, Исаев, Винокуров.

В депо: Солнцев, Кузнецов, Рыбин и др.

Возглавляли всю черную сотню, явно поп Семеновской церкви Афанасьев, а тайно, конечно, жандармерия.

Если рабочие выдвигали лозунги «Долой самодержавие», то черная сотня вопила о своем: «бей крамолу и жидов».

Накануне об'явления манифеста (17 октября) погромщики собрались у Семеновской церкви на молебен (среди тысячной толпы были и рабочие—старики, не желавшие бастовать). Поп Афанасьев перед приведением собравшихся к присяге «на верность вере, царю и отечеству», произнес зажигательную, черносотенную речь, которую закончил призывом:

Убивать врага!

Этого было достаточно для того, чтобы соответственно настроить банду и заставить ее разорвать случайно подвернувшегося студента Хавкина (только потому, что он был студент), а также избить проезжавших мимо партийцев: Нагибина, Елисеева и Рыбникова.

Полиция при избиении смотрела и потирала руки.

Первый «успех» и благоволение к ним губернского жандармского управления настолько окрылили черносотенцев, что они начали еще сильнее развивать свою «работу». Помимо «агитации»—уничтожением случайно попадавшихся жертв (был случай, когда разорвали своего же единомышленника Каксулина за то, что он нечаянно проткнул древком хоругви царский портрет на демонстрации) и демонстрированием своей «солидарности» в погромных манифестациях, черносотенцы начали

организованно выступать на всех митингах, выдвигать при различных выборах своих кандидатов и т. д. и т. п.

Они даже задались было целью уничтожить весь уфимский актив революции, но организованная провокация не удалась, так как рабочие были предупреждены и на пожар бани (она была подожжена специально для того, чтобы вызвать передовых рабочих и расправиться с ними) не явились.

Вооружение рабочих и организационная работа.

Рост контр-революционных сил ставил перед рабочими Уфы, главным образом перед железняками, как фактическими руководителями движением, вопрос о еще большем сплочении пролетарских рядов. В эти дни, как повествует история, была вооружена боевая дружина привезенным из города оружием и были проделаны кое-какие организационные работы, в смысле распределения функций между возникшими организациями.

Стачечный комитет, являясь политическим, административным и в то же время профессиональным центром рабочих железнодорожников, начинает создавать свой аппарат. По показаниям Дунаева, по делу о забастовках 905 года, в мастерских была организована *«комиссия труда»,* которая, по его словам, занималась изысканием средств для оказания помощи престарелым и больным рабочим. К сожалению, других более подробных данных об этой комиссии нет. Есть предположение, что она образовалась из боевой кассы и комиссии по редактированию первых требований. Это, а также и само название дает некоторое основание заключить, что «комиссия труда» была первым профессиональным органом рабочих в те дни. Это предположение, если оно правильно, свидетельствует о правильном понимании железняками организационных задач рабочего движения.

Введение 8-ми часового рабочего дня.

22 октября стачечным комитетом была получена директива дорожного комитета о прекращении забастовки и о переходе явочным порядком на восьмичасовой день. Уфимцы на следующий же день приступили к работам, оставаясь в то же время готовыми к любым событиям, ибо черносотенцы продолжали организовываться.

Октябрьская забастовка, помимо восьмичасового рабочего дня и незначительного повышения заработной платы, дала нечто большее в политическом отношении. Во-первых, рабочие (использовав также и манифест от 17 октября) добились освобождения ранее арестованных передовиков-партийцев; во-вторых, в умах сознательной части железняков крепко засела идея борьбы

с самодержавием и, в-третьих, рабочие организации в те дни значительно окрепли.

Октябрьские дни на других предприятиях. Златоуст в октябрьские дни вел себя исключительно. Волна стачек по всем окрестным заводам, забастовка железнодорожников (и в Златоусте), наконец, призыв златоустовских железнодорожников выступить единым фронтом—не нашли достойного отклика на этом заводе. Правда, в ночь на 15 октября 166 человек рабочих снарядного цеха не только забастовали, но и пытались снять с работы всех работающих, однако, это успеха не имело. Уже 17 числа стачечники остались в стороне, так как большинство рабочих продолжали работать. Пред'явленные златоустовцами требования носили исключительно экономический характер, ни одного политического лозунга выставлено не было—этим частично и придется об'яснить неуспех стачки.

Иначе реагировали на события стеклодувы Богоявленского стекольного завода. Здесь, как и у железняков, отмечается рост рабочего кружка; вступают новые рабочие, и усиливается связь с Уфой: начинают систематически получать литературу, прокламации и т. д. Кроме того, стеклодувы открывают *свой первый клуб и организуют кассу взаимопомощи.* При чем, касса взаимопомощи начинает функционировать с первого же дня организации, не дождавшись утверждения устава. К этим же дням надо отнести начало массового движения среди рабочих полиграфической промышленности Уфы. После об'явления манифеста полиграфисты вышли на демонстрацию первыми. После демонстрации они первыми же задались целью организовать свой профессиональный союз. Но попытка не удалась—губернатор не утвердил устав. Полиграфистам пришлось ограничиться только непродолжительной стачкой, которая была организована рабочими: Степановым И. и Пунтаковым И.

Еще стачка и подготовка к новой схватке. Ноябрь месяц в уфимских мастерских и депо прошел не спокойно. Хотя рабочие по гудку и являлись, но работали мало, шли обсуждения происходящих событий, все что-то ждали, к чему-то готовились.

Большие волнения имели место здесь 9 ноября, в связи с получением телеграммы о присуждении к смертной казни инженера Соколова (в крепости Кушка) за участие в освободительном движении. Даже помощник начальника мастерских Петров, узнав о готовящемся убийстве, не выдержал и обратился к рабочим с призывом к забастовке. Новый повод был использован руководителями Якутовым и Брынских и в мастерских снова вспыхнула забастовка. На этот раз *экономических*

Рабочая демонстрация на Богоявленском заводе в 1905 г.

требований уже не было совершенно, их сменили целиком политические лозунги.

Ноябрьская забастовка продолжалась только два дня.

Остальные дни ноября проходили в мастерских под знаком подготовки рабочих к вооруженной борьбе. Боевая дружина укомплектовывалась все новыми и новыми рабочими. Спешно готовилось оружие. Кто делал кинжалы, кто точил оболочки для бомб, а кто организовывал снабжение револьверами.

Между работой в цехах происходили мелкие стычки с черносотенцами. Последние, расчитывая на что-то, становились все наглее и наглее. К декабрю в уфимском патриотическом обществе насчитывалось членов уже 1400 человек.

Декабрь в Уфе, забастовка и расправа.

Наступил декабрь. Тревога наростала. В городе появились казаки. Это нервировало рабочую массу. Стачечный комитет, организованный еще в октябре, фактически продолжал не только существовать, но и готовить очередную, более мощную стачку. Ждали директив о начале новой стачки, чтобы выступить одновременно. Предварительно комитет подготавливал городских рабочих. Когда же получили указания о начале стачки, железняки договорились с рабочими завода Гутман выступить вместе, по гудку мастерских. Но гутманцы выступили, даже не выждав условного сигнала.

7 декабря прекратили работу и мастерские. Помимо экономических требований, они потребовали: освободить арестованных рабочих и вывести из города казаков.

8 декабря рабочие на митинге решили созвать на завтра об'единенный митинг всех рабочих как железнодорожных, так и городских и служащих.

Утром намеченного числа, по гудку мастерских, рабочие начали собираться в «сборку». Черносотенцы же не шли. Они, несомненно, предупрежденные о готовящемся нападении, собирались на горе против мастерских.

Во время митинга рабочие привели в цех, где-то задержанного начальника станции Беляева. И привели не зря, а с целью учинить допрос, так как он все время призывал проезжавших солдат «расправиться с забастовщиками».

— На войну не идут и не работают. Ваши эшелоны задерживают,—подстрекал Беляев солдат.

Вслед за Беляевым в «сборку» пожаловал «на выручку» комендант станции с жандармом. Рабочие, чтобы обеспечить себе возможность продолжать митинг, всех троих арестовали и посадили под охрану дружинников.

Этого только и ждали власти—они решили нанести сокрушительный удар по бастующим. Почти тотчас же после ареста к проходной мастерских подошли: рота солдат, жандармы и сотня казаков.

Один из офицеров пред'явил требование освободить арестованных. Дружинники, зная, что нападение все равно будет, отказались.

А Иван Якутов обратился к солдатам с речью, в которой призывал их не поднимать оружия на рабочих.

В ответ на это офицер приказал занимать проходную.

— Не ходите,—крикнул Якутов,—бросим бомбы!

Но солдаты, слушаясь команды, с винтовками на перевес, пошли вперед. Тогда в ряды полетела одна, а затем и другая бомба. Взрыв навел панику: солдаты в беспорядке подались назад, а казаки спешились и залегли в канаву.

По проходной и сборному цеху была открыта стрельба.

Рабочие видя, что вся эта история может закончиться плохо, бросились через калитки и заборы в разные стороны. Некоторые побежали за Белую в деревни, но их нагнали казаки и частью перепороли, а частью перестреляли.

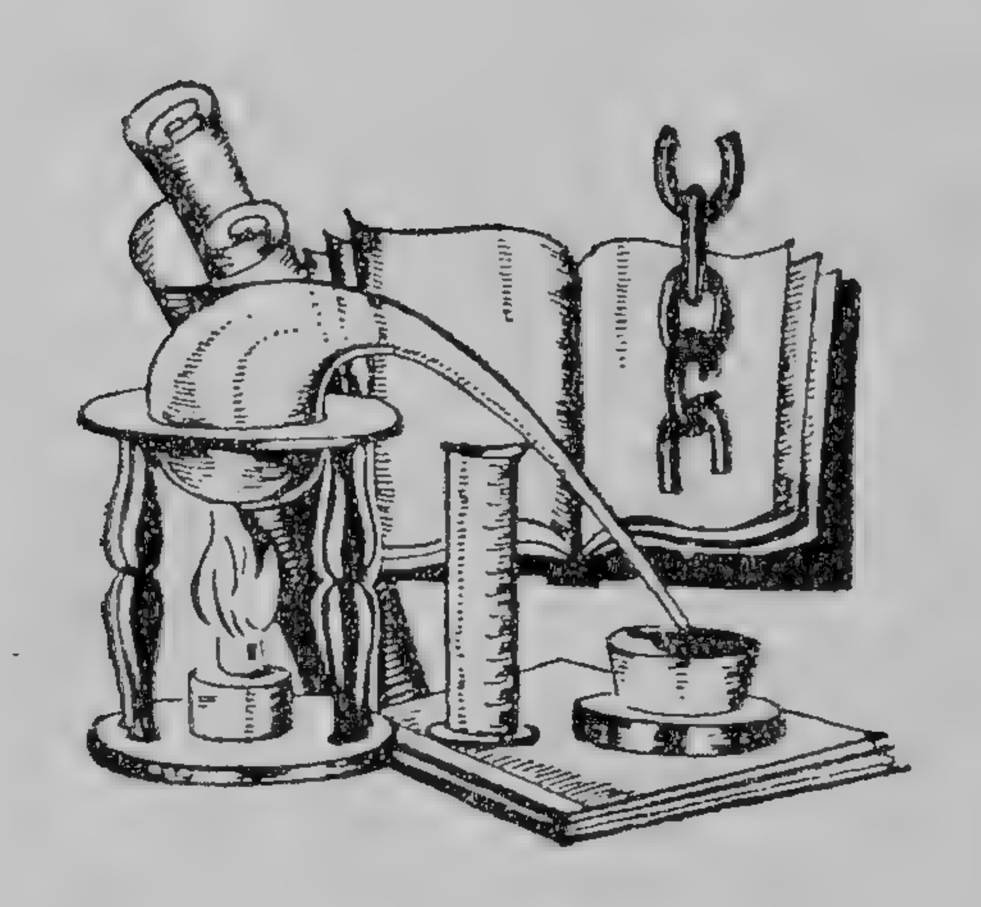
Черносотенцы в этой расправе показали себя полностью; с явным злорадством кулацко-торгашеская свора выдавала рабочих, хотя сколько-нибудь причастных к движению.

Казацкая нагайка нагулялась в этот день вдоволь.

А ночью начались массовые аресты.

Интеллигенция в 905 г. Говоря о под'еме революционного движения в Уфе в 905 г., нельзя обойти молчанием настроений среди интеллигенции. Она в эти дни, в подавляющем своем большинстве, оставалась или пассивной, или проявляла «сочувствие», но это сочувствие было самым безобидным, в лучшем случае оно выражалось в сборе средств (и то, если городовой не видел) в пользу бастующих. Зато меньшинство или либерально, или революционно-настроенное делало попытки выступить активно. Полицейские архивы указывают, что, например, адвокат Спасский по собственному почину закупал оружие (100 револьверов) и снабжал им организации. По другим данным, местная интеллигенция 12 января, под предлогом чествования «Татьянина дня», собирается (200 человек.) в «Сибирской гостинице» и пытается организовать противоправительственную демонстрацию. Но не успевает заслушать речь о расстреле петербургских рабочих, как подвергается разгону со стороны полиции.

Учительство в этом году, в массе своей, также проявляет симпатии к рабочему движению, но активно выступает мало. Только чуваши-педагоги, да белебеевцы практически подходят к вопросу самоорганизации: первые организуют местный профессиональный союз, а вторые созывают 1-й учительский с'езд. Последние не только открыто обсуждают свои нужды, свою роль в революционных событиях, но и избирают на с'езде первый руководящий орган, который вскоре же, благодаря своей неавторитетности и усиления реакции, самоликвидировался.



Годы реакции и наступление капиталистов.

Начало реакции. В общем итоге 9 декабря явилось решительным моментом в классовой борьбе на территории всей бывшей Уфимской губернии. Расправа с рабочими мастерских и депо, которые по праву заняли руководящую роль в рабочем движении Южного Урала и Приуралья, уже означала наступление реакции. Аресты лучших, из лучших рабочих—испытанных вождей, сильно подорвали развернувшуюся силу Уфимского отряда рабочего класса. Кое-кто из этих товарищей, а в том числе и виднейший вождь—рабочий И. Якутов, скрылись, но 18 человек все же были схвачены и преданы военному суду и часть из них пошла на смерть, и часть на каторгу.

Мастерские с 10 декабря, по распоряжению управления дороги, были закрыты. А позднее, 29 числа, 180 человек рабочих были расчитаны.

В последствии хотя и был об'явлен прием новых рабочих, но уже таких, которые приходились по душе властям эксплоататоров. Производился наем по рекомендации «своих» цеховых черносотенцев, которые подняли в эти дни свою голову еще выше. Дошло даже до того, что патриоты, под страхом лишения работы, заставляли рабочих вступить в монархические организации.

Пострадали и ближайшие друзья железняков—гутманцы. Они в полном составе оказались за бортом производства.

Реакция, развивая бешеное наступление, не ограничивалась Уфой, она протянула свои руки и в глушь, к разбросанным мелким заводам. Так, на Богоявленском стекольном заводе жандармерией был арестован и сослан в Сибирь юноша Кленов А., ею же был закрыт рабочий клуб и ликвидирована, после восьмимесячного существования, касса взаимопомощи. Рабочий кружок, выросший до 80 человек, под напором реакции распылился—осталось только 20 человек.

Разгром Усть-Катавского Комитета В конце 905 и в начале 906 годов по заводам металлургического района, бывш. Уфимской губернии в рабочем движении задавал тон Усть-Катав. Здесь рабочие не ограничились лозунгами и демонстрациями, а разрешили свои классовые задачи на деле.

В период наибольшего расцвета рабочего движения как в губернии, так и по всей России, усть-катавцы создали свою власть в лице «Комитета Рабочего Союза Усть-Катавского завода», который отчасти являлся и политическим и административным, а в основном—профессиональным органом.

Как орган политический и административный, комитет в первые же дни занялся административным выселением наиболее вредных представителей капиталистов. По его требованию в первых числах января с завода выехали: управитель Пиляр, его секретарь Пуганьон и лесничий князя Белосельского Шляпников. Дальше комитет поставил перед собой задачу захватить административный орган власти—волостное правление. С этой целью им были разосланы уведомления старостам окрестных деревень, чтобы они прибыли в завод для выбора нового волостного старшины. На этот пост усть-катавцы выдвинули даже кандидатуру своего рабочего Стрельникова.

Состоялись ли перевыборы старшины, до нас сведения не дошли, но это, как факт, указывает насколько сильны и уверены в своей силе были рабочие Усть-Катава.

Комитет же, уже как профессиональный орган, ввел на заводе поголовное членство и установил членские взносы в размере 1%. Насколько силен был комитет в этом отношении можно судить из следующего факта:

Табельщик завода Рыбаков, уволенный комитетом, обратился к директору с просьбой о приеме его на старую работу. Директор на это ответил:

— Без ведома комитета союза принять не могу. Обратитесь к мастеровому Гнусареву (председатель).

Тот покрутился, покрутился, и пошел к Гнусареву.

— Нет, за знакомство с жандармерией и за шпионство не примем,—обрезал председатель и тут же, очевидно, из дипломатических соображений добавил:

— Прошли ваши времена-то. Теперь комитет силен, имеет непосредственную связь с центром. А также на всякий случай готовит бомбы...

При комитете, как и в современных профорганизациях, был с первых же дней создан институт сборщиков членских взносов. При чем сбор производился не просто—без оформления, а с выдачей установленных квитанций. Были, даже, заведены настоящие бухгалтерские книги, отчетность и т. д.

Большой интерес представляют расходные статьи союзной кассы. Вот они:

— На поездку по делам комитета в Уфу и на соседние заводы (очевидно, для связи);

— на выписку газет и журналов;
— на содержание агитаторов;
— на покупку литературы для библиотеки;
— на открытие библиотеки-читальни;
— на ссуды нуждающимся рабочим;
— на покупку кумача;
— на устройство спектаклей;
и, наконец, на приобретение пороха (для бомб).

Если исключить некоторые статьи расхода, то перед нами будет расходная смета любого современного завкома союза металлистов.

Видимо, усть-катавцы не плохо понимали, даже в то время, задачи профессионального движения.

Существовал при комитете также «Товарищеский Суд рабочих и служащих Усть-Катавского завода», который разбирал всевозможные дела рабочих, от конфликтов с администрацией до нарушения порядка на улицах поселка включительно.

Но не долго пришлось комитету руководить рабочими. Реакция сделала свое дело. 4 января оба руководителя: рабочий Гнусарев и учитель Конаков попали, вместе с делами комитета, в руки полиции. С арестом их, комитет распался.

906 год у железнодорожников.

«От имени Центрального Бюро Всероссийского железнодорожного союза рассылаются по районным комитетам союза извещения о возобновлении деятельности этой организации. Прежняя программа союза предложена к пересмотру на третьем с'езде железнодорожного союза, имеющего быть в начале апреля. Прошу принять все меры к выявлению личного состава Центрального Бюро и районных комитетов, времени, места и программу предположенного с'езда и о результате безотлагательно сообщите управлению на предмет донесения Департаменту полиции. Директор Вуич. 24 февраля 1906 года».

«Ввиду поступающих сведений упорном стремлении неблагонадежного элемента устройству железнодорожных забастовок, для руководства коими решено образовать специальные организации узловых центрах, прошу приложить все усилия заблаговременному выяснению этих железнодорожных узловых организаций. № 828. Директор Вуич. 17 марта 1906 г.».

Такие директивы одна за другой поступали в начале 906 г. на имя начальника Уфимского губернского жандармского управления из Петербурга.

Видимо, главжандармы плохо были информированы о положении дела на месте, если требовали выяснения личного со-

става уже разгромленных организаций, руководящий состав которых почти целиком находился в стенах уфимской тюрьмы.

Правда, организации железнодорожных рабочих разгромить окончательно не удалось, ибо оставшиеся рабочие, осознавши суть классовой борьбы, заменяли выбывающих, но все же деятельность, как партийной организации, так и стачечного комитета была в 906 году, особенно в начале, парализована.

Скудные данные о 906 годе говорят, что вся революционная работа в мастерских и депо в этом году сводилась к редким вылазкам на берег Белой, где в ограниченном кружке обсуждались текущие события, в частности участие в выборах представителей в государственную думу.

К этому же периоду относятся и первые экспроприации типографии и винной лавки, в которых, несомненно, железняки принимали участие.

(Экспроприированный типографский шрифт был использован для организовывающейся переносной типографии Уфимского комитета РСДРП).

Других более ярких моментов в движении рабочих-железняков в 906 г. не отмечает ни один из имеющихся в нашем распоряжении исторических документов.

Оживление движения у стеклодувов.

Стеклодувы Богоявленского завода весной 906 года, когда внимание полиции несколько ослабло, вновь начинают приводить свою организацию в порядок. Снова начинаются еженедельные регулярные собрания кружка, снова поднимается вопрос об организации кассы взаимопомощи. На одном из таких собраний был поднят и проработан вопрос об организации на заводе рабочего общества потребителей. А позднее (осенью) были осуществлены, одна за другой, две стачки. Требования и на этот раз были исключительно экономические, а основное из них—введение четырех сменной работы. По свидетельству участников, все требования частично были удовлетворены, но не обошлось дело и без жертв: на этот раз пострадал рабочий Комлев, один из активнейших участников стачки.

Наличие некоторого под‘ема движения здесь в 906 году нужно об‘яснить, с одной стороны, присутствием таких сильных организаторов, как братья Кадомцевы, а с другой—отдаленностью завода от административных центров: у полиции едва хватало в это время сил для подавления движения в крупных индустриальных пунктах.

Попытки к организации среди пищевиков и швейников.

История развития рабочего движения в бывш. Уфимской губернии обращает внимание на следующее явление: те группы рабочих, которые по роду своих работ были наиболее разрозненными, а отсюда и менее политически развитыми, в периоды особенного революционного под‘ема оставались, в большинстве случаев, только зрителями классовой борьбы, не принимая в ней участия. Зато позднее они начали подавать свой голос. Примерами, подтверждающими наш вывод, могут быть факты зарождения движения среди пищевиков и швейников.

Как первые, так и вторые в 905 году и ранее совершенно не предпринимали никаких шагов ни к самоорганизации, ни к выступлению. Зато в 906 году и там и здесь появляются не только тенденции к самоорганизации, но и прямые действия.

Так, например, в мае 906 года местные пекаря Харитонов, Андреев, Шик, Феоктистов и др. начинают разговор о необходимости организации своего союза и более,—созывают в помещении булочной Пушкарева ряд собраний, посвященных этому вопросу. В конце-концов, договорившись об основных моментах программы союза (например, борьба за 8-часовой рабочий день), они организуют стачку под лозунгом 8-часовой рабочий день и 24-часовой еженедельный отдых. Стачка длилась 4 дня. Кончилась полным поражением, ибо и полиция и владельцы в этот период особенно не церемонились.

В эти же дни зародилось движение и среди швейников. Сосланный из Казани портной Чурбанов Василий собирает, однажды, своих сотоварищей по работе: Прокофьева А. В., Тихомирова И. П., Чеснокова, Багина и Нефедова А. в квартиру Чеснокова, на Ивановской площади, где знакомит их с казанским «Уставом Профессионального Союза Портных, Портних и Скорняков». Собравшиеся единогласно одобрили, как инициативу организации союза, так и устав. Добавив устав пунктом об организации кассы взаимопомощи и частично переработав другие пункты, применительно к местным условиям, они поручили Чурбанову ходатайствовать перед губернатором о разрешении легализовать союз, а главное о разрешении созвать собрание швейников.

Губернатор, хотя и разрешил созвать собрание, но выставил условия:

— За всякие противоправительственные выступления на собрании отвечать будете вы персонально.

— Второе, чтобы на собрании присутствовали только рабочие вашей профессии и никто из «посторонних».

Собрание состоялось в доме ремесленников (против дома

бывш. Платонова) в один из воскресных дней. На повестке дня стояли вопросы:

— Доклад о значении союза;

— утверждение устава;

— выборы правления.

Председательствовал на собрании т. Чурбанов.

Губернатор, обязав организаторов не впускать никого посторонних, однако постарался послать туда достаточное количество шпиков. Сначала все шло гладко. Но когда один из выступавших портных Петров, перейдя от основной темы, призвал рабочих:

— Сплотиться и свергнуть самодержавие,—шпики подняли тревогу. Дом тотчас же был окружен, заранее приготовленным отрядом полиции. Старшие полицейские потребовали у Чурбанова выдать выступавшего.

— Фамилии его не знаю, но знаю, что он портной,—ответил последний.

Тогда было приказано выходить в одни двери по одному. Жандармы надеялись узнать смельчака по лицу, однако, ошиблись. Петров бесследно скрылся.

Собрание все-таки работу в этот день закончило. Устав получил полное утверждение.

А на другой же день он был передан губернатору на утверждение.

Губернатор, на этот раз, не либеральничал, а взял и вычеркнул все важнейшие пункты, в том числе и пункт о стачках.

Чурбанов доложил об этом правлению союза, которое реагировало на действия губернатора, примерно, так:

— Без вычеркнутых пунктов работать нельзя, а потому устав не брать и работу вести подпольно.

Наступление капиталистов. „Готовиться к вооруженному восстанию“.

В Усть-Катаве, тотчас же после разгрома союза, капиталисты повели решительное наступление на рабочих. Мотивируя отсутствием заказов и недогрузкой предприятия, они спровоцировали рабочих на снижение заработной платы на 20%, наобещав при этом не закрывать завод. Но спустя почти полгода, когда на сокращении заработной платы уже с‘экономили солидные средства, заводчики снова поставили вопрос о закрытии завода.

6 июля усть-катавцы собрались в числе 400 человек, потребовали уплатить им по день расчета те 20% от заработка, которые заводоуправление не довыплачивало. Кроме того, отдельные рабочие требовали выдать, при расчете, месячное выходное пособие.

Волнения в связи с этим имели место на заводе несколько дней под ряд. Чем они закончились—осталось невыясненным, но надо думать, что не в пользу рабочих.

Интересные события происходили в 906 году на заводах: Миньярском и Симском. После роспуска первой государственной думы миньярцы и симцы—по-большевистки поняли, что улучшение положения рабочего класса парламентским путем, при существовании капиталистического строя, не добьешся. Поэтому они ставят вопрос о вооруженной борьбе с врагом, а отсюда о подготовке к ней.

16 июля на «Ягодной Горе» они созывают общий митинг, где, подведя итоги всем предшествовавшим событиям, делают вывод, что подавление революции 905 года явилось следствием только недостаточной подготовленности и организованности рабочего класса. Достается на этом митинге рабочим Златоустовских заводов.

- Они (златоустовцы),—заявляют миньярцы,—бездействовали, не хотели поддержать единый пролетарский фронт, отчего и проиграли хорошо начатое дело.

Поставив перед собой задачу подготовки к вооруженному восстанию, миньярцы, однако, учли, что выступить в то время было бесполезно, а потому решили:

— *надо ожидать, когда будут действовать в портах и крупных городах и тогда только принять участие в восстании.*

Самовооружение—с этих пор становится основной целью рабочих этих заводов. Почему и была впоследствии миньярская боевая дружина одной из лучших.

О Миньяре вообще, как о кристально-ленинском отряде рабочего класса, нужно было бы писать много, но краткость настоящей работы и то, что в «Былом Урала» Миньяру уделено много внимания, заставляет нас ограничиться только новыми моментами, не появлявшимися в печати.

Однако, не лишне еще раз подчеркнуть, что руководство миньярскими и симскими рабочими было целиком сосредоточено в руках большевистской партийной организации, имевшей в своем составе таких товарищей, как Ф. Локоцков, А. и Ф. Заикины, И. Копылов, В. Лаптев, В. Теплов, Стукины И. и С., братья Гузаковы и др.

Легальные профессиональные Общества.

Свертывание легальной и полулегальной работы в рабочих районах, в связи с подавлением движения, дает возможность партийным организациям, в частности Уфимскому комитету РСДРП, уделить должное внимание работе в легализованных организа-

циях полузубатовского толка. Этим только и можно об'яснить оживление в жизни «Вспоможенки», имевшееся в 906 г.

Оживление здесь выразилось в том, что передовая часть приказчиков, пролетарски настроенных, по инициативе социал-демократов замышляют организацию профсоюзов. С этой целью вырабатывается «Устав Профессионального союза Служащих в торговых предприятиях гор. Уфы». И он 25 июля «определением Уфимского Губернского по делам об обществах присутствия», после неоднократных обсуждений и вычеркивания ряда пунктов, вносится в реестр профессиональных обществ Уфимской губернии и утверждается губернатором.

При чем слово «союз», по требованию губернатора, заменяется «обществом».

Профессиональное общество с первых же дней существования повело правильную линию. Оно, отмежевавшись от «Вспоможенки», переселяется в другое помещение и организует вокруг себя более 100 человек, исключительно служащих. Однако, впоследствии оно использовывает и «Вспоможенку», как орудие для политической работы. Вместе с ней, например, оно проводит выборы в государственную думу, вместе же с ней добивается введения 8-часового рабочего дня и воскресного отдыха в торговых заведениях и предприятиях Уфы.

Помимо ведения кружковой, воспитательной работы (по всем данным марксистской) профобщество издает на гектографе подпольную газету «Приказчик». Не мало членов общества участвовало даже в боевых дружинах.

Столь активная работа общества, конечно, не могла не обратить на себя внимания начальства и оно начало выдергивать в тюрьму профессиональный актив, что привело общество в конце 907 г. к ликвидации.

Аналогичные организации (по названию) существовали в это время и в уездных городах: Белебее и Стерлитамаке, но никаких сведений о их работе, к сожалению, не сохранилось.

Нажим капиталистов. Ухудшение экономического положения рабочих.

907 год на южно-уральских заводах, особенно на частных заводах катавской группы, проходит под знаком ухудшения материального положения рабочих. Из материалов, выходившей в этом году подпольной газеты «Уфимский Рабочий» видно, что на Катав-Ивановском заводе царила специфическая уральская безработица. Число «гулевых дней» доходило до ужасающих размеров. Например, рабочие рельсо-прокатного цеха Катав-Ивановского завода вынуждены были «отдыхать» 2—3 недели в месяц. Здесь заработная плата составляла 7—10 рублей в месяц. Такое же почти положение было в других цехах.

К этому санитарные условия на заводе не выдерживали никакой критики: в чугунно-литейном цехе рабочие буквально задыхались от дыма, так как землю для формовки отогревали на... кострах (!) прямо в цехе.

Эксплоататоры, пользуясь безвыходным положением рабочих—выжимали последние соки. Управляющий этого завода предложил рабочим чугунно-литейного и вальцево-прокатного цехов перейти на сдельщину, но на таких условиях, что заработок снижался. Рабочие, не находя выхода из положения, вынуждены были даже совсем уйти с завода.

Свирепствовала и полиция; аресты не прекращались. Любого каждого, «с длинными волосами и в очках», обязательно хватали и арестовывали.

На Юрюзанском заводе в начале того же года насчитывалось 1000 безработных.

Наступали капиталисты и на Белерецком заводе. Здесь управитель вывесил новые расценки, по которым заработок рабочих снижался на 3—4 коп. в день.

Рабочие, конечно, заволновались.

«Мы тебя, вора, на тачке вывезем», заявили они управителю. И снизить расценки не дали. Здесь же 28 февраля рабочие, совместно с приказчиками организовали демонстрацию с революционными песнями и красными флагами. Налетела полиция. Произошла схватка. И двое рабочих пошли в тюрьму.

В то время, как ухудшалось положение рабочих, капиталисты, не жалея, бросали деньги на содержание воинской силы. На том же Юрюзанском заводе содержание казачьего отряда только заводоуправлению обходилось 106 рублей в сутки. В этом ярко сказывалась классовая сущность капитала.

Наглее всех капиталистов обработал своих рабочих владелец Миньярского завода Балашев.

На этом заводе с 1892 года производилось удержание одного процента с заработка на обеспечение рабочих в случае потери трудоспособности.

Удержания все время производились гласно, с отметками в расчетных книжках. Рабочие, привыкнув к этому порядку, не обращали внимания на отметки об однопроцентном отчислении, но, однажды (в этом году), установили, что отметки не делаются:

— Почему не отмечаете?—задали вопрос они хозяину.

— А больше не удерживаем,—ответил последний.

— Почему же заработок-то тот же остался?

— А я на эту сумму снизил плату и все.

Балашев расчитывал, что рабочие не заметят и его номер

пройдет. В связи с прекращением отчислений в фонд обеспечения потерявших трудоспособность, перед миньярцами встал вопрос об использовании накопившихся средств. Балашев предложил им избрать для этой цели комитет.

Когда же комитет представил свои соображения по части распределения капитала, он заявил:

«Ну, инструкцию-то я сам составлю», это не вашего ума, мол, дело. И составил. По его инструкции большая часть средств должна была расходоваться на постройку церкви и на улучшение санитарного состояния поселка.

Миньярцы не особенно-то были склонны отдавать свои гроши на церкву и решили от участия в комитете отказаться, а по существу вопроса было постановлено запросить думу.

Для характеристики настроения рабочих Миньярского завода не лишне привести здесь одно решение, которое они вынесли 18 марта на сельском сходе. Пристав предписал им взять на себя охрану винных лавок, на что рабочие ответили так:

> «Ввиду того, что «казенки» служат правительству средством спаивания народа, средством для извлечения огромной прибыли, которую оно обращает, главным образом, на подавление революции, не только караулить их, но и требовать полного их прикрытия в с. Миньяре».

Результаты застоя в промышленности. Забастовка златоустовских железняков.

Война с Японией и события 905—6 годов не могли не отразиться на промышленности. Она, с одной стороны, начала переживать застой в сбыте продукции (взять хотя бы сокращение производства по Катавским заводам), а с другой—финансовые затруднения, которые не давали возможности обеспечивать предприятия потребным запасом полуфабрикатов и, подчас, сырья. Но, несмотря на это, напряжение, трата средств на подавление революции, на содержание воинской силы, на организацию контр-революционных сил и т. д., капиталистами продолжалась, что еще больше усугубляло положение.

По Златоустовскому депо, например, в течение 907 года ощущалась острая нужда в материале для ремонта тяговой силы и подвижного состава. Очень многих частей и ходовых материалов не было совершенно. Рабочим приходилось часто разыскивать то и другое в хламе, в мусорных ящиках, на что уходило много времени. Наблюдая это, администрация, в лице начальника участка Васильева, поняла, что отсутствие материалов влетает производству в копейку, поскольку рабочие

работают поденно. И в марте месяце ТЧ Васильев переводит мастеровых на сдельщину. Заработок рабочих при таких условиях, несомненно, понизился, ибо он зависел от «счастья»—найдет рабочий скоро нужный материал, значит, заработает, а нет—проработает.

На почве такого ухудшения экономического положения среди железняков Златоуста происходили почти беспрерывные волнения, но жандармский зажим мешал этому недовольству вылиться в открытую форму.

Только в августе месяце, когда всякое терпение иссякло, златоустовцы стихийно бросили работу. 1 числа этого месяца утром железняки собрались в одном из цехов и, по призыву рабочего Кривова, решили прекратить работу. Администрации тотчас же были пред'явлены требования о повышении заработной платы.

Возглавлявший депо инженер Горшенин, получив требования, немедленно снесся с управлением дороги, которое приказало всех забастовавших *снять с работы.*

— А для замещения уволенных,—передавал по телефону начальник тяги,—будут высланы рабочие из Уфы.

На этом основании деповская администрация вывесила об'явление, предлагавшее рабочим 3 и 4 августа явиться за расчетом. Но рабочие брать расчет не шли. 3 августа к 3 часам дня явились в контору только 7 человек из 356.

2 августа прибыли в Златоуст и уфимцы в числе 110 человек. Но узнав о причинах вызова их, уфимцы приступить к работе отказались.

— Подводить товарищей намерения не имеем,—заявили они.

Положение осложнилось.

Тогда начальство изменило тактику:

— Если работать не будете,—заявило оно железнякам,—то расчеты вышлем через полицию, а сюда вызовем железнодорожный баталион.

Это, а также привод некоторых забастовщиков на работы под конвоем, подействовало. Рабочие по одному стали приступать к работе. Стачка, таким образом, кончилась не в пользу рабочих.

Период затишья и подготовки.

Последующее время, вплоть до 1912 года, можно характеризовать как период полнейшего затишья на фронте классовой борьбы. Капиталисты не зря тряхнули монетой в бурные годы революции, пожар был потушен, столыпинская реакция торжествовала. Но не удалось им вырвать с корнем организованность мощного врага—рабочего класса. Он, наученный на горьком опыте первой революции,

окончательно понял, что только вооруженным восстанием можно свергнуть власть капиталистов и с головой ушел в подготовку к новым битвам.

Лучшие отряды пролетариата бывш. Уфимской губернии: уфимцы-железняки, миньярцы, симцы и др., под руководством большевиков (хотя среди рабочих железнодорожных мастерских и имелось влияние меньшевиков) занялись самовооружением. Наступает полоса экспроприаций в целях приобретения вооружения, развертывается учеба, прорабатываются вопросы тактики и т. д. и т. п.

К активным действиям в эти годы переходят только единичные группы рабочих. Таких случаев история знает несколько, к числу их нужно отнести двухнедельную стачку в типографии «Печать» (графа Толстого) в 911 году. Стачка проводилась всей типографией (без женщин), под руководством группы газетчиков (из 10 человек) с организовавшийся еще в 910 году. Закончилась эта забастовка не в пользу рабочих, ибо дальнейшее продолжение грозило голодом, а поддержки ниоткуда не было.

Оживление в профорганизациях служащих.

Некоторое оживление в эти годы наблюдалось и среди уфимской интеллигенции. Стремление к профессиональной организации среди отдельных групп работников умственного труда было.

То же «Общество врачей» (в 908 году оно почти совсем прекратило свое существование) в 909 году начинает работать активно. Правда, работа общества снова переходит на узкие рельсы, но все же оживляется.

В 909 году возникает «Уфимское Учительское общество», которое ставит перед собой экономические задачи: взаимопомощь, подыскание работы безработным членам, организация учительских домов и т. д.

В эти же годы (30 марта 11 г.) основывается еще новая профессиональная организация—«Фельдшерское Акушерское общество». Задачи общества в то время определялись: улучшением экономического положения членов общества, и содействием саморазвитию и поднятию культурного и общественного уровня их. Общество делилось на действительных членов и соревнователей. Первые ежегодно уплачивали 2 руб. членских взносов и по 1 руб. похоронных, на случай смерти какого-либо из членов общества. Действительных членов общества в этом году было 64 и соревнователей 3 человека. Правление состояло из 5 человек: Михина Д. П., Дроздова А. Ф., Трухина М. В., Горцмана И. М. и Константинова И. И.

Основные моменты работы общества за 1911 год сводятся к следующему:

— делегировали представителей общества на уездные фельдшерско-акушерские с‘езды, которые созывались земством;

— вынесли постановление войти во Всероссийский Союз помощников врачей;

— делегировали представителя на 3 Всероссийский с‘езд, которому наказали добиваться сплочения Московского Общества помощников врачей с Обществом Российских Фельдшеров (в Ленинграде) и

— запроектировали открыть курсы по переподготовке фельдшеров.

Кроме того, были разосланы, в целях изучения экономического положения фельдшеров и акушерок, анкеты по всей губернии.

В этом же году, 17 февраля, возникло «Уфимское Отделение Общества Русских Землемеров». А позднее, в марте 911 г., при нем было организовано еще Земельное Бюро, которое взяло на себя между нанимателями и нанимаемыми посредничество при заключении сделок на производство работ. Но эти организации, как не связанные с общим движением, были в стороне от классовой борьбы.

Совершенною противоположностью в 1910 и 911 годах являлась «Воспоможенка» служащих торговых предприятий. После закрытия профобщества, уцелевшие социал-демократы интеллигенты направили свою работу по руслу «Воспоможенки». Занимаясь легально «допущенными начальством» вопросами, они подпольно вели другую работу: организовали массовую политучебу, агитировали за изменение устава, раз‘ясняли существо классовой борьбы и наталкивали «Воспоможенку», против воли «почетных членов», на борьбу за право служащих. Все это, конечно, не могло не дойти до слуха «начальства», которое и наложило свою лапу на столь старую организацию.

Интересен мотив закрытия «Воспоможенки»; жандармы выследили как-то, что на собрании присутствует много приказчиков, не состоявших в членах, но участвовавших в голосовании, придрались к этому и... осталось от «Воспоможенки» только одно приятное воспоминание.

На пути к Февралю.

12-й год в бывш. Уфимской губ.

1912 год повсеместно прошел под знаком под'ема рабочего движения. Оживление в промышленности, с одной стороны, и укрепление большевистских рядов, выпуск «Правды», с другой—не могли не сказаться на настроении рабочих масс и на работе партийных организаций. Но, как это ни странно, а на территории Уфимской губернии этот год, как и последующие, прошел без особых событий. Даже расстрел ленских рабочих не всколыхнул наши заводы, наши мастерские (если исключить стеклодувов Богоявленского завода, которые пытались организовать однодневную забастовку, но владельцы помешали).

Может быть в этом был повинен полицейский нажим, может быть другие причины, но факт остается фактом—большого оживления в рабочем движении здесь не было, хотя подпольные социал-демократические организации попрежнему существовали и вели кружковую работу.

Единственные серьезные выступления рабочих в этом году имели место в Уфимском депо, на Миньярском заводе и на пристани. В депо как раз происходили выборы членов в дорожный комитет по оказанию помощи пострадавшим от увечий. По инструкции нужно было выбрать представителя, обязательно проживающего в Самаре. На собрании тов. Абрамовым было внесено предложение отказаться от выборов, поскольку не разрешалось посылать своего—рабочие депо так и сделали. Кампания была сорвана.

Эти выборы, по свидетельству тов. Абрамова, несколько встряхнули рабочих; те товарищи, которые по тем или иным причинам отошли от работы, снова начинают примыкать к движению, создавая новые кружки.

На Миньярском заводе в 12 году имели место два столкновения рабочих с заводовладельцами. Первый конфликт относится к лету, когда администрация завода об'явила рабочим, что желающие работать в сенокосный сезон на заводе будут получать полуторную плату. Рабочие, приняв это предложение, почти в полном составе записались по своим цехам на работы. Но, когда нужно было приступать к работе, администрация, вдруг, изменила предложение:

– Полуторную плату получать будут не все, а только прокатчики,—начала раз‘яснять она.

На это рабочие механического цеха ответили поголовным от‘ездом на сенокос. Администрация сочла этот поступок за забастовку и решила «проучить» миньярцев.

Началась вербовка чернорабочих и обучение их квалифицированной работе. Однако, из затеи ничего не вышло, так как одному из чернорабочих в первые же дни отдавило станком ногу, а другому палец. Администрации пришлось от услуг невольных штрейкбрехеров отказаться.

При возвращении рабочих механического цеха, управляющий пробовал было угрожать некоторым увольнением, но это при организованности рабочих не так-то было просто.

Вторая битва рабочих с заводовладельцами происходила в конце 12 года. Вылилась она в 48-дневную общезаводскую забастовку. По какому поводу бастовали рабочие сведений нет, но известно, что забастовка была ими выиграна.

Забастовка грузчиков на Уфимской пристани (они были уже организованы в артель, 56 человек) возникла на почве низкой оплаты труда. При рабочем дне от 14 до 16 часов, (а летом работали и все 20 часов) оплата составляла от 1 руб. 10 коп. до 2 рублей. Сдельно же подрядчики платили 6 рублей с тысячи пудов, тогда как сами получали с работодателей по 7 руб. с тысячи. Кроме того, выплата часто производилась через лавки подрядчиков продуктами и, главным образом, водкой, что еще больше понижало реальный заработок рабочих.

Забастовка была сорвана полицией, которая арестовала обоих инициаторов и руководителей стачки.

Сорвана была забастовка и в портняжной мастерской Мелетицкого, где 12 девушек-работниц бросили работу, требуя 8-часового рабочего дня. Но здесь достаточно было хозяину пристращать работниц полицией, как те встали на работу.

Других событий в 12 годе, за исключением созыва губернского с‘езда «Общества Фельдшеров и акушерок» и возрождения «Вспоможенки» у служащих, очевидно, не было.

Война и канун Февральской революции.

Последующие годы: 913—14—15 и 16 также ничем особенным в истории рабочего движения не отличаются. Все события, например, 13 г. можно перечислить на пальцах:

Открытие больничной кассы в Богоявленском стекольном заводе:

проигранная стачка учеников портняжной мастерской Фоменко и

выступление чувашских учителей против проекта (черносотенца Машкевича) по организации инородческих школ.

Первая половина 914 года ознаменовалась только второй стачкой уфимских грузчиков, которую они выиграли.

После же об'явления войны, вплоть до 16 года, все движение замирает. Была попытка у городского учительства организовать свой профессиональный союз, но она не увенчалась успехом.

В 916 году происходит некоторое оживление, хотя и не весьма значительное. Первыми в этом году поднимают голову печатники татарской типографии «Турмуш». Владелец этой типографии Усманов умел эксплоатировать рабочих. Предпочитая держать на работе подростков, он на этом убивал двух зайцев: платил мизерную плату и заставлял работать столько, сколько ему было нужно. Многие из наборщиков целый день стояли у кассы, а ночью или наклеивали адреса, или фальцовали газету.

В феврале 916 года рабочие обратились к Усманову с таким требованием:

— Если не повысишь заработную плату, то бросим работу.

Усманов, полагая, что несознательные «татарчата» не уйдут, если их запугать полицей, в прибавке отказал.

Но ошибся. Рабочие забастовали.

И пришлось хозяину хоть три рубля, но прибавить, чтобы заставить печатников работать.

Вскоре же забастовали печатники русской типографии Бусыгина. Но через два дня стачку прекратили, так как хозяин требования удовлетворил. Однако, четырем товарищам пришлось все-таки отсидеть по одному и два месяца при полиции.

В годы войны бороться с хозяевами было трудно. Они, добившись через военно-промышленный комитет освобождения от призыва квалифицированных рабочих, использовали это в свою пользу. При малейших попытках рабочих к улучшению своего положения, капиталисты угрожали солдатчиной. Так, например, издатель уфимской газеты граф Толстой на требование газетных наборщиков прибавить, хотя бы рубль с номера, заявил:

— Не прибавлю ни копейки, а если не хотите работать— отправлю к воинскому начальнику.

Печатники к концу 16 года энергично берутся за организацию союза. В октябре месяце 916 года инициативная группа прорабатывает устав «Профессионального Общества Графических Искусств» и вносит его на утверждение губернатора. Почти через четыре месяца устав утверждается, но с большими исправлениями. 28 января 17 года, накануне Февральской революции, полиграфисты собираются и организуют свой союз. Инициато-

рами организации союза были: т.т. Громов Н., Иванов В., Горенков С., Викторов А., Хованский А. и Князев А.

Весной 916 года вспыхнула стачка на Богоявленском заводе, где рабочие пред'явили требование о повышении заработной платы. Администрация сначала было отказывалась, но напор рабочих был настолько сильным, что она вынуждена была требования удовлетворить.

Продолжается в 916 году оживление и среди служилой интеллигенции. Просвещенская «Вспоможенка» к этому времени насчитывает уже 140 человек членов, она организует в Стерлитамаке и Златоусте филиалы, связывается с центральными организациями и вообще развертывает работу. В течение почти года созываются четыре общих собрания, на которых прорабатываются производственные и экономические вопросы.

На этом, пожалуй, и исчерпывается (конечно, кратко) все основное в рабочем движении дореволюционного шестидесятилетнего периода. Начинается новая, более славная, эра в истории бывш. Уфимской губернии, ныне советской Башкирии.

Но прежде, чем приступить к описанию величайших событий 17 года и последующих лет, нужно, хотя бы вкратце, подвести баланс рабочему движению на территории бывш. Уфимской губернии, чтобы сказать с каким сальдо пришел к революции приуральский и южно-уральский пролетариат.

В активе к 17 году он имел:

Прекрасно организованный и хорошо вооруженный марксистской теорией ленинский отряд миньярцев и симцев, давший Октябрю не один десяток железных бойцов и вождей;

закаленный в боевых схватках с капиталом, научившийся бороться организованно уфимский отряд железняков;

подготовленные кадры усть-катавцев и тирлянских металлистов, богоявленских стеклодувов, златоустовских железняков и уфимских полиграфистов.

В активе же он имел группы, испытавших на деле приемы классовой борьбы, грузчиков, швейников и революционное ядро в рядах интеллигенции, усвоившее свою роль, свое место в борьбе и будущем строительстве.

В пассиве же рабочего класса числилась недостаточная подготовленность рабочих таких пролетарских центров, как: Златоуст, Белорецк, частично Катавских заводов. И отдельные группы интеллигенции (врачи, землемеры), уклонившихся в сторону от той дороги, по которой шел пролетариат.

Профессиональное движение после Февральской революции.

К 1917 году расстройство в хозяйстве России, вызванное войной и бешеной погоней капиталистов за наживой, достигло своего предела. Поражения на фронтах, следовавшие одно за другим, неимоверный рост цен на продукты широкого потребления и исчезновение их на рынке все сильнее подчеркивало беспомощность царского правительства выйти из того тупика, куда оно зашло, соблюдая интересы капитала.

Чрезвычайное ухудшение экономического положения рабочего класса тем временем ускоряло завершение подготовительного периода к революции. И когда первые признаки назревшей, неизбежной революции стали для всех очевидными, капитал вынужденно делает зигзаг, санкционируя свержение самодержавия.

Но, сделав этот шаг, повторяем шаг вынужденный, капитал, конечно, не изменил своей природы—он остался тем же хищником, каким был в продолжении всего своего существования.

Вот поэтому-то Февральская революция не разрешила и не могла разрешить кардинальнейшую проблему: «Рабочий вопрос», вот поэтому-то период от Февраля до Октября и проходит под знаком беспрерывной борьбы классов, под знаком лихорадочной и стихийной организации противоположных сил. Это целиком подтверждается всеми событиями 917 г., имевшими место всюду, а в том числе в Уфе и в бывш. Уфимской губернии, к которым мы и переходим.

Как эксплоатировался уфимский рабочий.

«Вкусив сладкого—не захочешь горького» это целиком можно приписать политике капиталистов в 917 году. Испробовав всю прелесть бешеной наживы, чудовищных прибылей, они всеми мерами старались закрепить их за собой, совершенно не думая об облегчении положения рабочего класса, за счет которого их получали. Насколько колоссальны были прибыли капитала можно судить по словам В. И. Ленина. Он, говоря о значении рабочего контроля, в то время писал:

«Общество Коломенского машиностроительного завода при основном капитале в 15.000.000 рублей

получило прибыли в 1916 году 7.482.832 руб. 35 коп., т. е. около 50%. Это означает, что не ударяя пальцем о палец, каждый рубль приносил капиталистам доход в 50 коп. в год» *).

По другим источникам, прибыли различных капиталистических предприятий, занимавшихся поставками своей продукции на армию, составляли до 500 проц.

Если допустить мысль, что в последнем случае часть столь чудовищной прибыли получалась за счет казны, за счет подкупа интендантской головки, то все равно львиная доля падала на счет ухудшения экономического положения рабочих.

Все имеющиеся данные определенно устанавливают, что эксплоатация рабочего класса, достигшая в предреволюционные годы небывалых размеров, продолжала усиливаться и в послефевральские дни.

Еще 7 октября 917 года в заседании Уфимского Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов обсуждался вопрос о чрезвычайно тяжелом положении рабочих местных лесопильных заводов. Докладчик по этому вопросу Павлов указывал, что 8-часовой рабочий день на этих предприятиях еще не введен, что рабочие, работая свыше 8 часов, получают чрезвычайно мизерную плату. Исполкомом Совета для выяснения положения дела и для переговоров с предпринимателями была избрана комиссия из т. Брюханова, Финстера и Павлова.

Позднее, уже при переходе всей полноты власти Советам (24 ноября), газета «Вперед» сообщала, что положение рабочих лесозавода Лысанова оставалось попрежнему невыясненным, что многие рабочие буквально голодают. Дело по этим данным передавалось вновь на разрешение Ревкома.

Но особой остроты эксплоатация рабочих в дооктябрьские дни достигала в мелких предприятиях, которыми Уфа тогда изобиловала. Так, в прачечных и красильных (в них было занято около 100 человек) рабочий день оставался 12-часовым. Плата же колебалась от 80 коп. до рубля. При дороговизне середины 17 года 80 коп. и 1 руб. были грошами, которые не обеспечивали даже полуголодного существования.

Та же газета в апреле и мае, указывая на возрастающую эксплоатацию женского труда и подростков (а это, в погоне за прибылями, капиталисты проводили везде), приводила ряд примеров,—некоторые из них мы повторим здесь:

---

*) В. И. Ленин (В. И. Ульянов). „Статьи и речи по вопросам профессионального движения“, стр. 164.

«Работницы гильзовой фабрики Рискина,—писала газета,—жалуются на тяжелое положение труда; на фабрике работают до 20 девочек. Заработная плата колеблется от 10 до 28 рублей, в исключительных случаях. Работают с 7 часов утра до 7 часов вечера».

Или:

«Хозяйка (портновского магазина) Володина, повысив цены на изделия на 120—150 против уровня предыдущих лет, заработную же плату оставляет на довоенном уровне. Рабочий день продолжается с раннего утра и до позднего вечера».

В последующих разделах настоящей главы мы приведем еще ряд фактов вопиющей эксплоатации рабочих. Пока же перейдем к тому, как капиталисты укрепляли свои позиции в борьбе с рабочим классом.

Единый фронт предпринимателей.

В первые же дни после свержения самодержавия наши доморощенные заводчики и купцы, по примеру крупных городов, организуют свой исполнительный орган, в лице Комитета Торгово-Промышленного Союза. Здесь они сосредотачивают свой оперативный штаб, отсюда дают руководство всем распыленным предпринимателям, отсюда же и пытаются проводить свое влияние на рабочие массы. Редкое крупное собрание рабочих, как повествуют исторические материалы, проходило без участия представителя Торгово-Промышленного Комитета. В редком конфликте между рабочими и предпринимателями Комитет не принимал активного участия. Если рабочие шли в эти дни за защитой в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, то предприниматель заручался поддержкой Торгово-Промышленного Комитета.

Комитет же, надо полагать, на соответствующей стадии классовой борьбы, организованно развертывает и «агитационную работу» в «защиту революции» от рабочих (!), заключающуюся в беспримерном цинизме, грязной клевете, включительно до провокации.

6 октября, например, на собрании рабочих предприятий «Земгора» зачитывается отношение комитета «Земгора», в котором указывается на понижение производительности труда, на порчу материалов и т. д. Рабочие, возмутившись явной клеветой, тут же вынесли резолюцию протеста.

— Производительность труда, напротив, растет и напрасной траты материалов нет,—так заявили они.

В эти же дни на заводе Гутмана была инсценирована кража материалов. 8 октября из цехов оказались похищенными приводные ремни. Владельцы тотчас же распустили слух, что ремни похищены рабочими. Между тем в этот день был праздник и ни одного рабочего на производстве не было. До сих пор сохранилось мнение, что кража ремней была инсценирована, чтобы подтвердить распускаемое обвинение рабочих в усиливающемся кризисе.

Третий факт обвинения рабочих относится к пароходству. В данном случае Торгово-Промышленный Комитет с неимоверной наглостью обратился в Совет Р. и С. Депутатов с «ходатайством» о разрешении заменить мастеровых затона новыми рабочими, мотивируя это тем, что затонцы «не желают» работать. При проверке же оказалось обратное. Рабочие ждали работу, но деловых предложений со стороны владельцев не было. Выяснилось, что последние, помимо оклеветания рабочего класса, хотели просто подобрать в пароходство всех полицейских, оставшихся за бортом, а тем самым сорганизовать свою собственную «гвардию».

Клевета на рабочий класс в дооктябрьские дни была не только уфимским явлением. Всюду, где только капиталисты были, она распространялась ими без всякого зазрения совести.

В. И. Ленин об этом тогда писал:

> «В самое последнее время чуть ли не на каждом шагу приходится слышать от фабрикантов, заводчиков, профессоров, бывших кадетских министров, кутлеров и вообще от всякой «чистой публики» из богатых кварталов города, что рабочие слишком распустились, что они зарабатывают теперь больше хозяев, что они требуют невозможного, что благодаря черезмерным требованиям рабочих, промышленники должны закрывать свои заводы, фабрики и так далее без конца. Одним словом,—стараются доказать, что в промышленном кризисе и продовольственной разрухе, идущей теперь за этим кризисом, виноваты не хозяева, не те, кто до сих пор и совместно, и в полном согласии со старой романовской шайкой, и без нее хозяйничали в стране, а те, кто не мог до сих пор не только ничего сделать, но и слова сказать не мог, чтобы за него не поплатиться тюрьмой и другими карами» *).

*) В. И. Ленин (В. И. Ульянов). „Статьи и речи по вопросам профессионального движения", стр. 164.

Возникновение профессиональных Союзов. Не только Февральская революция, как акт. вызвавший оживление рабочего движения, но и. главным образом, продолжающееся ухудшение экономического положения рабочего класса, и наступление капитала, заставило рабочих с первых же дней после свержения самодержавия заняться вопросом профессиональной организации. У нас в Уфе первыми, надо считать, поставили вопрос об организации своего союза металлисты. На заводах: Гутмана и снарядном, на городской электростанции, еще в феврале передовики рабочие начинают будировать массу к организации. В этом же месяце вопрос об организации профессионального союза был проработан, уже на общих собраниях рабочих завода Гутмана и электростанции, где докладчиками выступали т.т. Алешкин и Морин.

Вслед за металлистами начались разговоры об организации и на других крупных и малых предприятиях. Но в феврале и в первых числах марта шли только разговоры, ибо большинство рабочих не знали еще с какой стороны следует приступить к новому делу. Только во второй половине марта начинается повсеместное оформление профессиональных союзов и их руководящих органов.

В последние десять дней марта только по Уфе возникло до 10 союзов—это показывает насколько быстро росло профессиональное движение.

Большую роль в организации профессиональных союзов сыграл первый Уфимский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Не оформившись как следует еще сам, он тем не менее бросает все свои силы на организацию рабочих. Так, например, 20 марта представитель Совета на собрании рабочих железнодорожных мастерских уже делает доклад о целях профессиональной организации и о роли цеховых комитетов. Рабочие подхватывают предложение докладчика и тут же избирают не только цеховые комитеты, но и представителей в комитет мастерских в целом. Выборы прошли в цехах: литейном, кузнечном, медницком, котельном, токарном, бандажном и сварочном.

На следующий день (21 марта) происходит, с участием представителя совета, частное совещание рабочих депо, где также решается вопрос об организации рабочих.

21-же марта рабочие предприятий Военпромкомитета принимают устав своего союза, который, кроме пунктов о защите экономических и правовых интересов рабочих, предусматривал и поддержку Совета Депутатов.

Стремление к организации было настолько сильным, что отдельные категории рабочих, не зная как сделать это, обра-

щались за содействием к печати, в которой призывали опытных товарищей помочь им. Такое воззвание было помещено 24 марта в газете «Вперед» от имени сторожей и курьеров.

> «Мы названные служащие,—писали курьеры,—желая организоваться, всеми силами стараемся как бы это устроить и присоединиться к рабочей организации, но нет у нас такого человека, который мог бы указать нам путь. Ввиду этого просим товарищей рабочих откликнуться на нашу просьбу».

26 марта курьеры уже организовались, как сообщает об этом та же газета.

24 марта бурное собрание происходило у рабочих кожевенной промышленности (кроме кожевников были сапожники и шорники). Собралось 286 человек. Вызвал большой спор 10 пункт устава союза рабочих кожевенного дела, по которому членами союза не могли быть лица, занимающие административные должности. Присутствовавшие администраторы настаивали на изменении этого пункта, но рабочие поставили на своем:

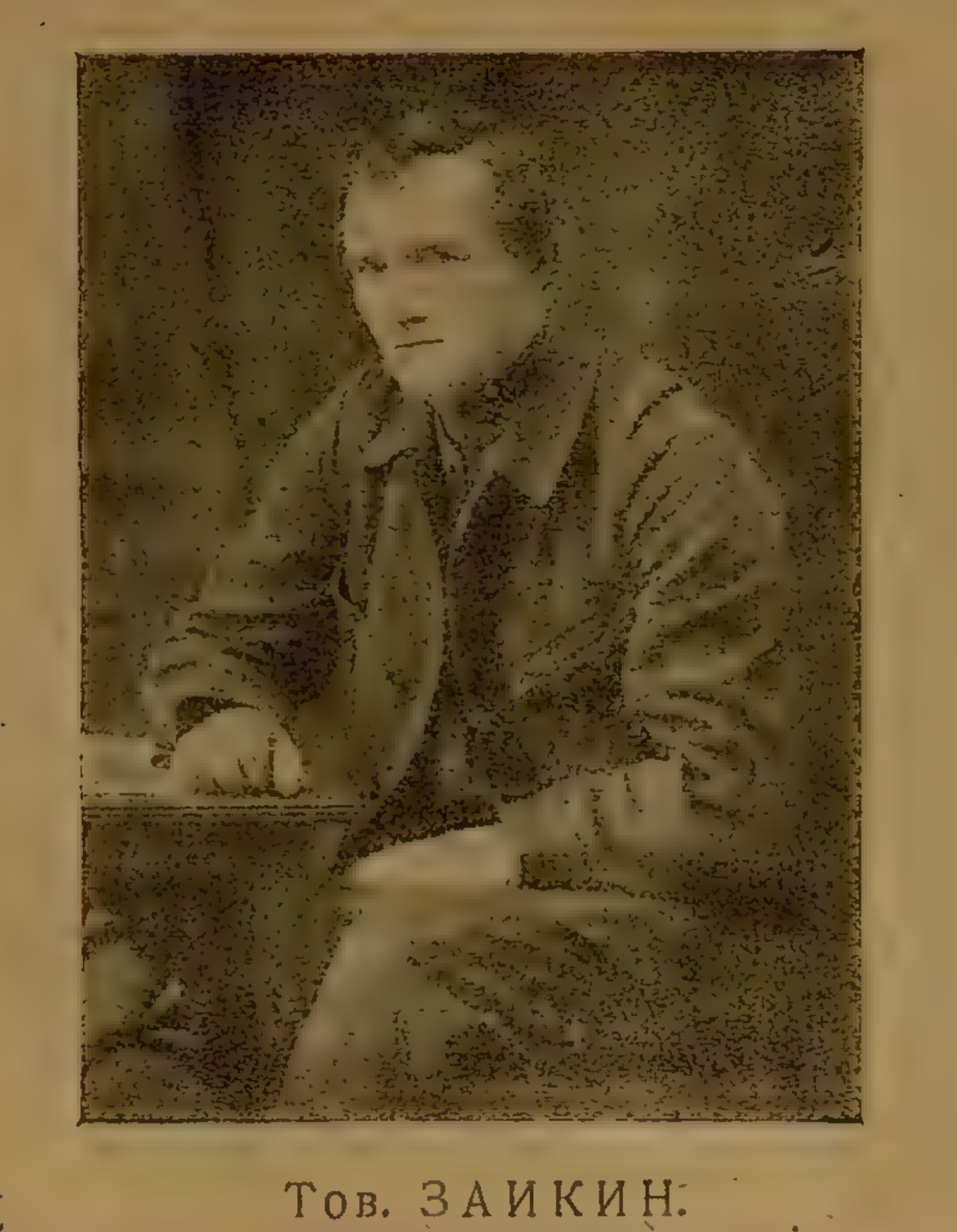
— Союз должен быть чисто классовой организацией,— аргументировали они.

Значительно позднее организовывались в профессиональные союзы группы разрозненных рабочих и служащих. Например, швейники, которые имели опыт в дореволюционное время, только во второй половине апреля создали комиссию для выработки устава союза. Одновременно с ними же организовались служащие столовых, ресторанов и рабочие прачечных. И совсем поздно (4 июня) возникли такие профессиональные союзы, как союз кондитеров-булочников.

К октябрьским дням в Уфе существовало уже свыше 20 профессиональных союзов, с количеством членов близко к 12 тысячам человек. Но из этого числа союзов, организованных по производственному принципу, было не более половины. Причем интересно то, что почти все рабочие, производственные союзы были организованы именно по производственному принципу, а служащие, за редким исключением, по принципу корпоративности. Были, например, союзы фармацевтов, помощников врачей, курьеров, землемеров и т. д. и т. п.

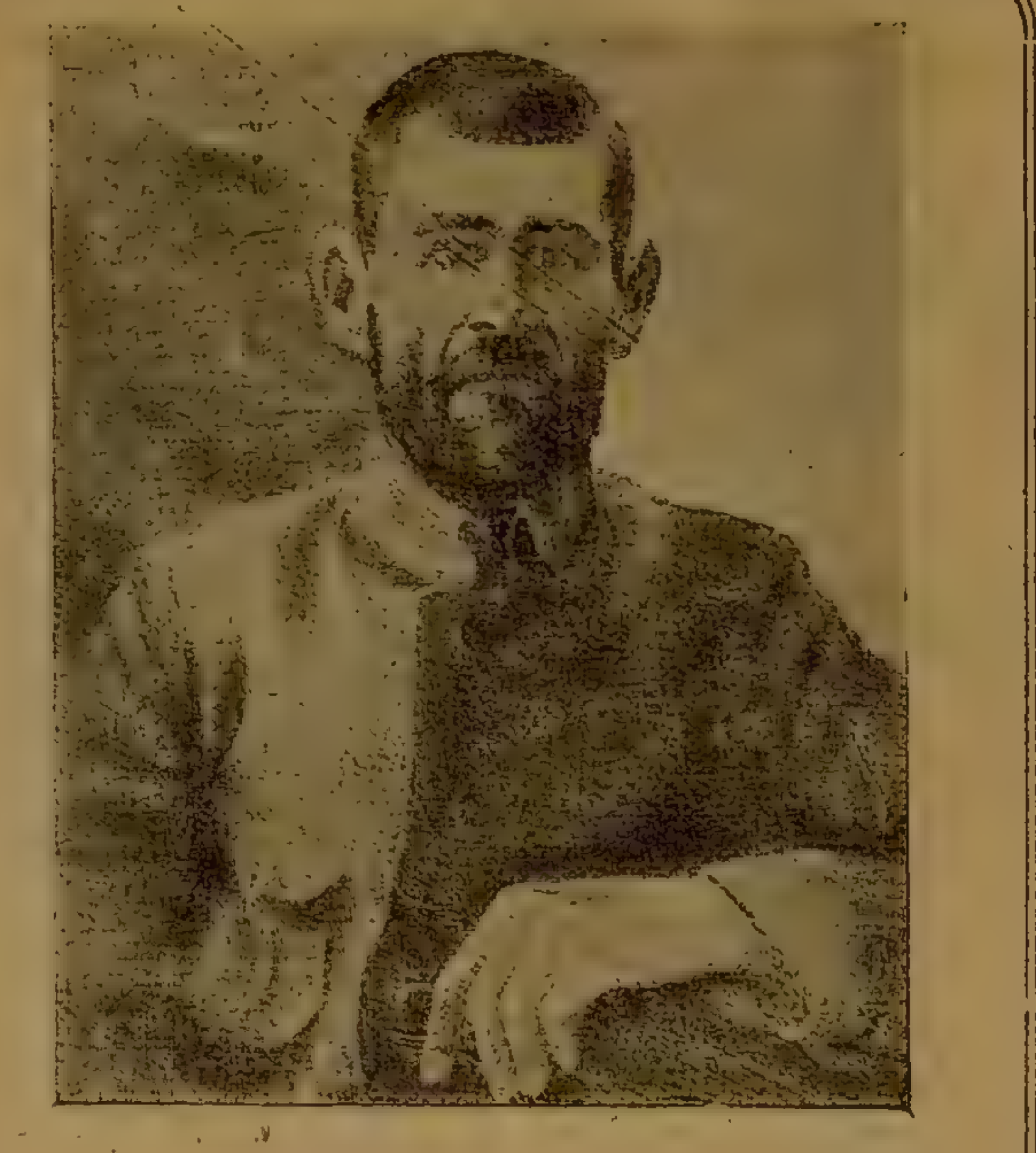
Но были и среди союзов, организованных по производственному принципу, такие, которые имели в своем составе далеко не родственные (по профессии) группы рабочих. К примеру, электрики состояли в одном союзе с рабочими фанерки, или пищевики с работниками искусств.

Происходило это по очень простой причине: не было руководства. Стихийное возникновение, спешка с оформлением,



Тов. ЗАИКИН.

Один из руководителей профдвижения в БАССР и быв. Уфимской губ.
По профессии рабочий-металлист. С 20 по 25 г. был Председателем Губпрофсовета и после—Башпрофсовета. Сейчас Председат. Уфим. Горсовета.



Один из организаторов первого Губпрофсовета б. Уфимской губ. рабочий-кожевник тов. ПЛОТНИКОВ.

наконец, текущая борьба с предпринимателями, отсутствие навыков,—все это не могло не влиять на организационную сторону профессионального движения.

Неправильная организация союзов давала себя чувствовать с первых же шагов. Те же нарпитовцы (служащие столовых и ресторанов), слившись с совершенно разнородной группой работников, запутались в работе, распылили и без того скромные силы, чем ослабили свой фронт. Хозяйчики, воспользовавшись слабостью союза, начали выбрасывать за борт наиболее передовых членов и союз почти распался.

Борьба за 8-часовой рабочий день.

Борьба за улучшение экономического положения, борьба за восьмичасовой рабочий день на территории бывш. Уфимской губернии начинает проводиться с первых же дней Февральской революции. Точнее, она началась во многих случаях даже раньше организации профессиональных союзов, которые, как мы уже говорили, явились ее организованным руслом.

Уже в двадцатых числах марта Уфимский Совет Р. и С. Депутатов стал перед совершившимся фактом введения явочным порядком 8-часового дня по некоторым уфимским предприятиям. По этому поводу он взял тогда такую линию (газета «Вперед» от 24 марта).

> «Местный Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, ставя борьбу за 8-часовой рабочий день в программу своей работы, с сегодняшнего дня, стремится ввести в это движение плановость. Исполком *рекомендует не вводить 8-часового рабочего дня явочным порядком, так как это дробит рабочие силы и дезорганизует рабочее движение, приводя подчас к ненужным осложнениям.* Президиум Исполкома вошел по этому вопросу *в сношение с местным союзом торговли и промышленности* и предполагает по соглашению с Союзом провести 8-часовой рабочий день, как в Петрограде, не для отдельных предприятий, а для всех г. Уфы».

Как видим, отношение Совета к такой кардинальнейшей проблеме классовой борьбы, как 8-часовой рабочий день, не было четким, скажем больше, оно не было ленинским, и это вполне понятно, поскольку в первые дни в Совете имелось сильное влияние меньшевиков, которые в таких больших вопросах, хотя и щеголяли революционной фразой, но вставали на путь соглашения с буржуазией.

Такое же положение имелось в Москве, где фракция большевиков Московского Совета предложила (16 марта) «*ввести*

явочным порядком немедленно восьмичасовой рабочий день», но меньшевики и эсеры в своей резолюции отклонили это. Они, не отрицая для красного словца необходимость введения 8-часового дня, *предложили время введения его установить на следующем* заседании Совета (торопиться, мол, не стоит), а пока *«признать не допустимым сепаратные выступления в борьбе за 8-ми часовой рабочий день»**).

В Уфе, стало быть, меньшевики не только знали линию своей партии, но и точно проводили ее. На этом они и сломали себе шею, ибо рабочий класс, в подавляющем своем большинстве, пошел за большевиками и не откладывал введения 8-часового рабочего дня «до следующего собрания».

Почти в тот же день, когда Совет вынес это постановление, рабочие развесочной «Караван» категорически потребовали сокращения рабочего времени и заставили администрацию, хоть в одном цехе, но ввести 8-часовой день немедленно. Так же поступили несколькими днями раньше металлисты, позднее кожевники и другие.

Хотя нельзя отрицать того, что меньшевистское решение Совета по многим предприятиям затянуло разрешение этой задачи. Оно дало капиталистам «козырь в руки», которые всеми мерами старались не допускать сокращение рабочего дня. С другой стороны, и отдельные группы рабочих, не искушенные в в тонкостях политики, были введены в заблуждение. Например, кожевники предприятий «Земгора» вынесли такое постановление:

> «Признавая введение 8-часового рабочего дня обязательным, время введения не определять до разрешения порядка введения Советом Рабочих и Солдатских Депутатов».

Но все-таки большинство профессиональных союзов стояли за немедленное введение 8-часового рабочего дня, что уже характеризует их, как организации, ставшие по основному вопросу на большевистскую платформу.

Экономические требования и борьба за них.

Пред'явление экономических требований, как мы уже говорили, началось на многих предприятиях с первых же дней революции и до организации рабочих в профсоюзы.

На Богоявленском стеклоделательном заводе, например, экономические требования (о повышении заработной платы) были пред'явлены еще в феврале месяце (26 числа).

Рабочие депо поставили этот вопрос то же до организации комитетов.

*) Н. Авдиев. „Революция 1917 г.“, т. 1, стр. 101.

На частном совещании отдельные из них высказывались за немедленное пред'явление требований, но большинство решило: сначала нужно организоваться, а затем уже выступить. В марте же месяце пред'являются требования о повышении заработной платы и расценок рабочими предприятий «Земгора», деревообделочниками и другими.

Печатники типографии Шаровкина пред'явили их в начале апреля, а в конце этого месяца «Общество Графических Искусств» вырабатывает уже колдоговор, которым охватывает все требования рабочих.

Позднее (6 мая) требуют повышения заработной платы и улучшения условий труда фармацевты городских аптек.

С 13 мая начинаются стачки в прачечных; сначала прачечники бросили работу из-за увольнения владельцем Зугманом передовой работницы, но вскоре же пред'являют ряд других уже экономических требований.

31 мая выступают с требованиями об увеличении заработной платы рабочие лесопилки Некрасова.

4 июня выступают служащие столовых и ресторанов и т. д.

Сопротивление капиталистов, их тактика.

Сопротивление капиталистов до самого момента национализации средств производства было чрезвычайно упорным. Их тактика после Февральской революции не раз претерпевала изменения: в первые дни капиталисты, обычно, пускали «крокодиловы слезы» о плохих временах, а затем переходили к прямым отказам удовлетворить требования рабочих, одновременно распуская клевету о падении производительности труда и о прочих «погрешностях» со стороны рабочих.. А когда ни то, ни другое не помогало, просто заменяли рабочих дешевыми рабочими руками: военнопленными, женщинами и подростками, угрожали саботажем, т. е. закрытием своих предприятий, или занимались демагогией.

Наиболее упорно сопротивлялись владельцы лесопильных заводов. Более 7 месяцев они под разными предлогами увертывались от повышения заработной платы. Еще в мае месяце они, в лице заводовладельца Некрасова, на пред'явление союзом экономических требований реагировали угрозами закрыть заводы. А в октябре месяце, когда на общем собрании союз рабочих всех заводов поставил вопрос ребром, капиталисты, в лице представителя Торгово-Промышленного Союза Дунаева, состроили удивленные глаза:

Что вы, да мы и союза-то вашего не знаем, как не знаем и то: имеет ли он право защищать ваши интересы (!).

Это же подтвердили заводовладельцы 8 октября в своем официальном ответе на предложения союза:

> «Секция деревообделочников Союза Торговли и Промышленности,—писали они,—обсудив содержание присланного Вами отношения от 5 октября с.г., постановила уведомить вас, что впредь до выяснения характера деятельности Союза деревообделочников (они не знали! В. Г.), его целей и намерений (какая наивность!! В. Г.) владельцы заводов не находят возможным вступить в переговоры с организацией им неизвестной» (!! В. Г.).

На эту демагогию рабочие тогда ответили ультиматумом:

— Если к 10-му не выполните требования, пред'явленные союзом, мы забастуем.

Так и вышло—деревообделочники 10 октября прекратили работу. Всего забастовало 800 человек.

Через две недели в капиталистическом лагере начались разногласия: один из заводовладельцев Кунин из'явил было согласие удовлетворить требования, но другие (например, Иванов) продолжали упорствовать. Однако, упорствовали недолго, ибо остановка предприятий уже давала о себе знать. 25 октября в письме на имя Союза заводовладельцы идут на попятную:

> «24 с. м. нами получено Ваше сообщение,—писали они,—от 23 сего же месяца о том, что того же дня, т. е. 23 октября состоялась регистрация Уфимским Окружным Судом Устава Профессионального Союза Рабочих Деревообделочников. Таким образом, в деле урегулирования отношений между предпринимателями и рабочими лесопильных заводов и фанерной фабрики наступает возможность организованных переговоров, как только устав воплотится в жизнь, т. е. укомплектуется состав Профессионального Союза и будут избраны его органы. (Как будто бы союзных органов не было! В. Г.) Секция предпринимателей деревообделочников просит для ускорения ликвидации забастовки поспешить с организацией Профессионального Союза Рабочих Деревообделочников и, когда выборы правления состоятся, немедленно же об этом уведомить.
>
> Вместе с тем мы надеемся, что, неожидая того, организаторы Профессионального Союза примут меры к устранению длящегося до сих пор насилия над предпринимателями, т. е. к снятию на лесопильных заводах и фанерной фабрике вооруженной стражи, кото-

рая с 10 с. м. препятствует владельцам и их доверенным производить торговлю заготовленными товарами (вот, что заставило их итти на уступки. В. Г.) сдавать железнодорожному Управлению изготовленные материалы и вообще распоряжаться на заводах принадлежащим заводовладельцам достоянием. Желательно, в интересах установления правильной почвы переговоров, чтобы об'явление о прекращении торговли, содержащееся в полученных ранее от имени Профессионального Союза бумагах, как выходящее за рамки забастовки, было немедленно же признан недоразумением».

Но организованные деревообделочники не совсем-то разделяли понятие капиталистов о закономерности тех или иных действий и, конечно, свою тактику не изменили, что и помогло одержать над предпринимателями полную победу. 7 ноября стачка закончилась.

В борьбе с рабочими за этот период заводовладельцы доходили до прямого безобразия, не брезгуя ничем. Например, обман Лысанова.

Он, затянув выплату причитающихся рабочим сумм (очевидно, за дни забастовки), в начале декабря, когда последние наступили, что называется на горло, заявил:

– Да ведь я не хозяин завода, что вы пристаете? Долгушин хозяин-то, с его и просите.

Оказалось, что он, во избежание платежей, завод продал, или просто передал некоему Долгушину, находящемуся в Перми. Большей наглости придумать было трудно. Не лучше вели себя и другие предприниматели. Костерин (владелец мельницы) в апреле проливал перед рабочими слезы:

«Убыток, придется закрыть», а в сентябре просто выбросил «непокорных» рабочих, заменив их военно-пленными.

Другие владельцы, как например, хозяева фанерной фабрики, вели особую политику. Они сначала всеми способами оттягивали подписание колдоговора, а после подписания до самых октябрьских дней никак «не могли» найти время, чтобы выполнить его.

Полиграфисты же при заключении колдоговора охотно принимали пункты, обязывающие рабочих, а пункты, касающиеся их, опротестовывали до потери сознания, чем затягивали проведение в жизнь колдоговоров. И довели своей тактикой рабочих до стачки, которая вспыхнула 6 сентября.

А некоторые дипломатничали: Пельц, например (владелец большой прачечной), на собрании рабочих согласился удовле-

творить их требования, а когда дошло до дела, то просто выбросил наиболее активных работниц. Многие же из хозяйчиков: Зугман (владелец прачечной), Володина (хозяйка портновской мастерской) поступали прямее; немедленно увольняли своих рабочих.

Но это— одна сторона, была еще и другая, а именно: последователи продолжения бесчеловечной эксплоатации через «своих людей» вели наступление и по идейной линии. В таких случаях они или втирали в комитеты своих (почему рабочие тогда и были против приема в союзы административных лиц), или «втирали очки» отсталым рабочим о необходимости усиления производительности труда и увеличения рабочего дня.

Такой обработке подверглись рабочие сапожной мастерской военпромкомитета и служащие пароходства. Первые 20 июня, наслушавшись о возможной гибели буржуазной революции (тут дело без меньшевиков тоже не обошлось), постановили:

> *«С целью увеличения производительности труда с 9-часового рабочего дня перейти на 12-часовой».*

Вторые же попали на удочку иначе. Они выбрали в комитет (да еще председателем) начальника технического участка, который и провел в комитете постановление:

«Увеличить рабочий день с 9-ти до 10½ часов»

Но к глубокому сожалению капиталистов, их идеологов и приспешников-соглашателей ничто не помогло. Октябрь воздал каждому свое.

Первый этап профессионального строительства.

Стихийное возникновение профессиональных союзов, конечно, не могло не вызвать пестроты в построении профессионального аппарата. И мы видим, что строились союзные организациии, в начале 17 года, в разнобой, по принципу: кто как сумеет. Это подтверждается хотя бы тем фактом, что наряду с союзами, организованными по производственному принципу, существовали союзы узких профессий, что на одних предприятиях организация аппарата началась снизу, с цеховых комитетов (железнодорожники); на других сверху, сразу с правлений союзов; на третьих возникали фабзавкомы, не связанные с союзами в первое время и т. д. и т. п.

Но если это было неизбежно в начале года, когда нужно было вообще создавать, что-то и переходить в наступление на капитал, не задумываясь над формами организации, то впоследствии, когда встал вопрос о большем сплочении рядов рабочего

класса, когда появилась необходимость во взаимодействиях между союзами (поддержка во время стачек, например), наконец, необходимость в общем руководстве, тогда перед рабочими и вновь зародившимся профорганизациями встал вопрос о приведении аппарата в порядок, об уточнении функций отдельных ячеек, о связи и об об'единении всех союзов под одно начало.

Первыми разрешили эти задачу железнодорожники. К 24 марта у них был уже организован районный комитет, который и взял на себя руководство всей массой узла. Комитет об'единил собой не только цеха мастерских и депо, но и рабочих всех остальных служб пути, движения и т. д.

Позднее комитет уже начинает, смотря по потребностям, создавать подсобный аппарат: 6 апреля он, например, конструирует примирительную камеру и выделяет своих представителей в согласительную комиссию. Затем устанавливает организованную связь с партийной организацией, предоставляя ей соответствующее количество мест и посылает своих представителей на дорожный с'езд.

За железнодорожниками следуют кожевники, союз которых 22 апреля поручает членам правления приступить к организации на заводах фабрично-заводских комитетов. Задачей фабзавкомов союзом ставится обслуживание рабочих своего предприятия, защита их интересов и т. д. За собой же правление союза оставляет общее руководство комитетами.

Почти одновременно происходит упорядочение профессионального аппарата и на суконной фабрике Алафузова. Здесь фабрично-заводской комитет приступает к организации цеховых комитетов и также создает заводскую примирительную камеру.

В общем почти на всех предприятиях развертывается организационная работа.

В то же время союзы начинают связываться с родственными центрами: 23 апраля союз швейников посещает представитель Московской организации швейников. 3 мая рабочие и служащие «Земгора» выбирают своих делегатов на свой Всероссийский с'езд, а позднее посылаются делегаты на Всероссийскую конференцию профсоюзов.

История возникновения Уфимского Совета Профсоюзов.

Но все перечисленные выше организационные мероприятия еще не исчерпывали задач профессионального движения полностью. Ибо практика показывала, что как ни хорошо организован тот или иной союз, как хорошо он ни связан с другим союзом, единого фронта в движении все-таки не было. В то время, как

капиталисты, об'единившись в свой союз, вели наступление общим фронтом, профессиональные же союзы выступали в одиночку. Жизнь требовала создания какой-то общей руководящей организации, которая бы осуществляла единое руководство.

И на этот вопрос ответило первое Всероссийское Совещание Советов Рабочих и Солдатских Депутатов (от 29 марта), которое по вопросу профессионального движения тогда сказало:

> «Для усиления мощи и согласования деятельности профессиональных союзов, совещание рекомендует местное, областное и всероссийское об'единение профессиональных союзов. Совещание считает очередной задачей профессионального движения созыв всероссийской конференции профессиональных союзов» и т. д.

Это постановление, несомненно, докатилось до Уфы, но почему-то оно не было выполнено своевременно. Имевшиеся в нашем распоряжении данные говорили, что впервые вопрос об организации местного союза союзов был поставлен на собрании швейников (23 апреля) представителем московских швейников. Последующим откликом на этот призыв явилось об'явление в газете «Вперед» (от 27 апреля) союза кожевников о созыве всех правлений союзов на 28 апреля для организации Центрального Бюро Профессиональных Союзов.

Собирались ли правленцы союзов на это собрание, нет ли не установлено, но известно, что создано Бюро было позднее.

В № 57 газеты «Вперед» (от 7 мая) мы видим об'явление правления Союза Рабочих Графических Искусств, которое приглашало правления всех союзов собраться 9 мая для совместного обсуждения вопроса о посылке делегата на Всероссийскую конференцию профсоюзов (она созывалась в Петрограде на 20 мая).

Очевидно, на этом собрании и возник снова вопрос об организации Союза Союзов. В № 48 «Вперед» от 18 мая вновь появилось об'явление Союза Торгово-Промышленных Служащих, которое опять приглашало все правления союзов явиться 23 мая в помещение Губ. Зем. Управы на заседание по вопросу об образовании Уфимского Союза Союзов.

На этот раз попытка увенчалась успехом. Собрание состоялось, хотя представителей было мало,—только от 7 союзов. Собрание, признав желательным организацию Центрального Бюро Союзов, избрало организационную комиссию из 3 человек для выработки устава. Здесь же была дана принципиальная установка: в Союз Союзов входят только те союзы, в которых не состоит членами администрация.

6 июня Бюро Профсоюзов уже было организовано. Газета Вперед» в № 61 по этому поводу писала:

«На сегодняшнем собрании правлений союзов (6 июня) был утвержден устав Центрального Бюро Профсоюзов, разработанный оргкомиссией. В состав Бюро входят лишь те союзы, которые стоят на классовой точке зрения. Бюро составляется из представителей—уполномоченных всех примкнувших профсоюзов. Каждый союз, насчитывающий до 100 человек, посылает 2-х, а свыше—по одному от каждых 100. В Бюро входят с правом совещательного голоса представители общественных организаций и по 2 представителя от каждой социалистической партии и приглашаемые сведущие лица. Средства Бюро составляются из 10% отчислений от дохода союзов. Цель Бюро состоит в содействии усилению деятельности и рассмотрению существующих в городе профсоюзов и в способствовании возникновению новых союзов. Бюро берет на себя разрешение вопросов, непосильных отдельным союзам, Бюро организует юридическую помощь, Бюро содействует культурному развитию рабочих путем устройства лекций, библиотек-читален, Бюро изыскивает средства в помощь безработным и бастующим членам союзов».

Вскоре же после организации, Бюро профсоюзов вплотную занялось вопросом упорядочения и об'единения профессионального движения. 16 июля, например, собрание представителей союзов ставит перед ним задачу: «приступить немедленно к работе по об'единению рабочих на принципе классовой организации». А 18 июля Совет Профессиональных Союзов (будем его называть так) выносит постановление о слиянии в один союз, в виду малочисленности, рабочих лесопилок и металлистов. И несколько позднее, в первых числах августа, он проводит организационные собрания рабочих этих категорий.

Август, сентябрь и октябрь Советом Профсоюзов были преимущественно посвящены вопросам организации и конфликтам между работодателями и членами союзов. Другой работы, как видно, Совет не вел. Только в ноябре месяце на одном из заседаний ставится доклад о мерах, долженствующих оживить профессиональное движение еще. Докладчик по этому вопросу Драницин выдвинул ряд предложений: созвать общегубернский С'езд Профсоюзов, приступить к составлению отчета о деятельности Совета, войти в соглашение с редакциями местных газет об уделении ими внимания вопросам профдвижения и развить

работу культкомиссий, выдвинув первой задачей организации Клуба Труда.

Через пять дней Совет уже начал осуществление этого задания. В частности, он приступил к устройству лекций, предварительно обратившись к общественным организациям об оказании ими содействия в этом направлении.

За Советом последовали и союзы: деревообделочники и металлисты, например, впервые берутся за ведение культурно-просветительной работы, при чем последние устанавливают связь с культурно-просветительной комиссией Уфимского Комитета РСДРП (большевиков).

Позднее, по линии Совета, возникает инициатива по устройству не только клубов, но и библиотек и различных кружков при них.

В декабре Совет подходит к другим задачам: он намечает план своей работы, созывает специальные совещания по вопросу о безработице и упорядочивает свои финансы. Одновременно перестраивает свой орган—президиум Совета; 14 декабря, при перевыборах президиума, туда входят: Драницин, Гармонов, Сергеев, Терехин и Беретов. В комиссию при Комиссариате Труда были избраны: Драницин и Плотников.

Так, в основных чертах, строился первый межсоюзный профессиональный орган бывш. Уфимской губернии.

Кто руководил профессиональным движением.

Говоря о профессиональном движении в 17 г., нельзя обойти молчанием вопроса о том, чье влияние имелось в то время в руководящих профессиональных органах и насколько правильно проводили они политику своего класса.

В этом отношении, в первые дни, в профессиональном движении бывш. Уфимской губернии не все обстояло благополучно. И эсеры и меньшевики в союзных органах, за исключением отдельных союзов (металлисты, например), имели большинство и это большинство по отдельным вопросам не раз подпускало политического тумана, оказывая прямое содействие Торгово-Промышленному Союзу.

Лучшим показателем соглашательской политики могут служить постановления собраний: строителей (16 апреля) и рабочих Алафузовской фабрики (15 апреля). Те и другие, высказавшись за необходимость участия в праздновании первого мая, постановили *отработать этот день в ближайшее воскресенье.* Это постановление явно было подсказано меньшевиками, ибо большевики Петрограда уже опубликовали в «Правде» свою

3-й С'езд Профсоюзов быв. Уфимской губ. (июль 21 г.).

точку зрения, которая сводилась к тому, что никаких отработок быть не должно.

Второй факт относится непосредственно к Совету Профсоюзов, который в своем заседании от 2 сентября, заслушав телеграмму министра Скобелева о текущем моменте, *принимает резолюцию о поддержке временного правительства* (!). Правда, в этой же резолюции Совет высказался и за поддержку Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, но могло ли это двурушничество быть актом большевистской политики, особенно накануне Октября.

Взять, наконец, доклад делегатов от уфимских профсоюзов на Уральскую Областную Конференцию Профсоюзов Павло и Плотникова, который они сделали 3 сентября на Верхне-Торговой площади. В докладе оба профсоюзника прямо высказались за присоединение к меньшевистской платформе, о коалиции с буржуазией, несмотря на то, что конференция вынесла решение, выдвинутое большевиками, против участия в государственном совещании.

Но это для первой стадии профессионального движения после Февральской революции было явлением временным и оно, с ростом классового самосознания, изживалось. Борьба за рабочий контроль, организация красной гвардии целиком подтвердили это.

Борьба за рабочий контроль.

«России грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен неимоверно и расстраивается все больше. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба. Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков. Катастрофа невиданных размеров и голод грозят неминуемо»,—так характеризовал в сентябре 17 года В. И. Ленин положение хозяйства и политику капитала *).

Так понимали это и рабочие.

Еще в мае месяце первая конференция петроградских фабзавкомов поставила вопрос о том, как бороться с надвигающейся разрухой, как взять в руки капиталистов. Большевики на этой конференции говорили определенно:

*) В. И. Ленин (В. И. Ульянов) „Грозящая катастрофа и как с ней бороться?" Собр. соч. Т. XIV ч II.

— Необходимы рабочий контроль, безоговорочное подчинение предпринимателей органам регулирования, в которых большинство должны иметь рабочие организации и предоставление права контрольным комиссиям приостанавливать решения и мероприятия фабрично-заводской администрации.

Меньшевики же стали на путь соглашения с буржуазией; они, мотивируя сложностью и трудностью процесса регулирования экономической жизнию, доказывали:

— Контроль над промышленностью должен осуществляться государством.

И конференция, на которой большинство было меньшевистско-эсеровским, приняло резолюцию ни к чему и никого не обязывающую.

Но, как показала жизнь, рабочие не совсем подчинились соглашательской указке, внеся существенную поправку несколько позднее.

В Уфимской губернии, в частности в Уфе, вопрос о рабочем контроле начал подниматься в первые после-февральские дни. Уже 23 марта рабочие снарядного завода сами выдвинули предложение принять участие в управлении производством и тут же на собрании выделили для проработки предложения пятерку.

А 7 апреля общее собрание кожевников уже заслушало доклад завкома о состоянии производства. Докладчик указывал, что:

работа шорной мастерской идет неправильно: материалы подаются несвоевременно, организация процесса производства неверная, администрация выбрасывает крупные суммы на наградные начальству;

непроизводительно работает и обмундировочная мастерская;

в посадочной мастерской неправильное расходование материалов сильно удорожает себестоимость продукции;

есть удорожание себестоимости и в раскройно-заготовочной мастерской, что вызывается неправильным расходованием материалов, использованием лжеспецов и высокой оплатой труда администрации.

Кожевники, заслушав доклад, постановили организовать *для руководства предприятием свою комиссию.*

28 апреля рабочие депо ст. Уфа ставят вопрос о рабочем контроле уже прямо:

> «для успешной борьбы с наследием старого строя—хозяйственной разрухой страны организации железнодорожников должны осуществить свой контроль над хозяйством»,—так говорят они в своем постановлении.

Но широкий размах борьба за рабочий контроль получила здесь в декабре, после перехода власти к Советам и после издания декрета о рабочем контроле. Застрельщиком этого наступления явился уже Совет Профсоюзов. 14 декабря он принимает наказ делегатам Первого Всероссийского С‘езда Профсоюзов, в котором говорит о рабочем контроле так:

> «Мы члены Совета и правлений Союзов, обсудив в связи с 1-м Всероссийским С‘ездом Профсоюзов. экономическое положение страны, считаем, что единственная возможность устранить хозяйственную разруху и порожденную ею безработицу заключается в проведении в жизнь декретов СНК о контроле над производством» и т. д.

А на следующий день в городе происходит собрание фабзавкомов, которое целиком поддерживает эту линию:

> «Мы члены фабзавкомов г. Уфы постановили немедленно приступить к введению в жизнь закона о рабочем контроле над производством. Вместе с тем мы заявляем всему рабочему классу, что только при широкой самодеятельности самих рабочих и при живой поддержке со стороны выборных организаций будет выполнена та великая задача устранения разрухи в промышленности страны».

С этого времени на всех без исключения предприятиях создаются комиссии и начинается всестороннее контролирование производства, торговли и др. отраслей хозяйства.

Некоторые комиссии, предвидя национализацию средств производства, занялись даже регистрацией их на частных предприятиях.

24 декабря организационное оформление рабочего контроля закончилось учреждением Губернского Совета Рабочего Контроля, состоящего из семи специальных отделов.

Профсоюзы в борьбе за диктатуру пролетариата.

Влияние оппортунистических, соглашательских партий, имевшееся в профессиональном движении в начале Февральской революции, с одной стороны, мешало еще более быстрому развитию профсоюзов, а с другой, несомненно, ускоряло процесс революционизирования рабочих масс.

Линия меньшевиков, эсеров в отношении введения 8-часового рабочего дня, в отношении отработки дня Первого Мая и вся их тактика вообще вскоре же показала рабочим, что «эти» идут рука об руку с капиталистами.

Утверждение оппортунистов, что рабочий класс еще не создал для захвата всей полноты власти, что его дальнейшее развитие может происходить только в рамках капиталистического общества, что, наконец, улучшение экономического положения рабочих и под'ем их культурного уровня можно добиться и в условиях буржуазной демократии, вызывало среди рабочих чем дальше, тем больше сомнений и подозрений. Ибо рабочий на деле видел, что капиталисты далеко не намерены делить с ним прибыль. Уфимский рабочий на горьком опыте убеждался, как тяжело, а подчас и невозможно было вырвать у предпринимателей 8-часовой рабочий день, как неимоверно трудно добиваться и повышения заработной платы.

Кроме того, уфимские соглашатели сами отталкивали от себя рабочую массу демагогией по отношению к Совету Рабочих и Солдатских Депутатов. Еще на одном из первых собраний железнодорожников меньшевистские зубры, по вопросу об отношении к временному правительству, пытались плюнуть в сторону Совета, но этот плевок достиг обратной цели.

— Разговоры рабочих о сплочении вокруг Петроградского Совета,—заявили они,—вносят только разлад в рабочую среду. Единственный наш долг—это повиновение временному правительству. Что же касается Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, то приходится сомневаться в его политической зрелости (!). Культурный состав его членов весьма низок (!)

Мнение одного из соглашателей «вызвало бурю». Рабочие, выступая в прениях, дали хорошую отповедь демагогам.

— Революция подготовлена только рабочим классом,—говорили они,—потому только Совету Рабочих и Солдатских Депутатов можно доверить судьбу революции. Рабочий класс должен сплотиться и поддержать столичных товарищей.

— Временное правительство же будет держаться до тех пор, пока его действия не столкнутся с интересами рабочих, а в противном случае рабочий класс поведет с ним борьбу.

После прений оба высказанные мнения были поставлены на голосование и *второе (о поддержке Совета) было принято единогласно.*

Но случаи поражения соглашателей в эти первые дни были единичными, они еще пользовались влиянием, особенно среди отсталых групп рабочих, и очень часто возглавляли рабочие организации.

Массовое поражение меньшевиков, надо считать, началось несколько позднее, в конце июня, при выборах нового состава Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Рабочие профсоюзы в этой кампании приняли участие не только по-

сылкой своих наиболее выдержанных депутатов, но и повсеместным отчислением на содержание Совета одного процента от заработной платы. После этих выборов влияние большевиков в Совете значительно усилилось, что можно подтвердить хотя бы фактом смены председателя эсера Гиневского, большевиком т. Брюхановым.

Окончательный же отход рабочих бывш. Уфимской губ. от оппортунистов-соглашателей произошел, как и всюду, в сентябре месяце, когда председатель первого состава ВЦСПС меньшевик Гриневич вынужден был уйти в отставку из-за того, что меньшевистская линия получила почти всеобщее поражение.

В Уфе толчком к резкому изменению политики послужил погром 12 сентября, произошедший на почве недостатка продуктов первой необходимости. Большевики, воспользовавшись этим случаем, поставили вопрос о форсировании подготовки профессиональных союзов к последней схватке с капиталом, а отсюда к решительному отмежеванию их от оппортунистов-соглашателей.

14 сентября Совет Профсоюзов выносит постановление об исключении из союзов участников погрома и об организации первого отряда Красной Гвардии—Уфимской Рабочей Дружины.

Профсоюзы на призыв своего центра откликнулись немедленно, началась вербовка рабочих в дружину (к 21 сентября записалось уже 100 человек), а по предприятиям прокатилась волна протестов против действий погромщиков.

В это же время начинается в городе и подготовительная кампания к выборам в Учредительное собрание, которое у железнодорожников совпала с отчетами делегатов Дорожного С'езда.

11 октября состоялось такое собрание у кондукторов ст. Уфа, где была принята *первая резолюция о передаче всей полноты власти Советам.*

Позднее (с 17 октября) на собраниях, уже посвященных вопросу об Учредительном собрании, на многих предприятиях рабочие и служащие выносили постановления об отдаче своих голосов большевикам. Такое постановление вынесли: рабочие завода Гутмана, служащие Товарной конторы, рабочие Стерлитамака, деревообделочники (в числе 500 человек) и др. союзы.

В общем уфимцы к захвату власти были подготовлены вполне и весть об Октябре вызвала в производственных союзах только удовлетворение.

Одна из последних попыток меньшевиков протащить на митинге железнодорожников (27 ноября) резолюция: «вся власть учредительному собранию», провалилась с треском. Железняки сказали:

— Да здравствует власть Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов!

— Да здравствует Рабоче-Крестьянское правительство!

Профсоюзы в 18 году. Весь отрывок 18 года, вплоть до занятия Уфы и губернии белыми, в истории профессионального движения был ударным периодом, когда союзам пришлось ежечасно проявлять нечеловеческую энергию для преодоления внутренних и внешних затруднений. Борьба с растущей безработицей, борьба с саботажем чиновничества и последними попытками соглашателей восстановить свое влияние,—вот тот путь, который пришлось пройти нашим союзам в этом году.

Безработица. Закрытие ряда заводов еще в 17 году и возвращение рабочих из армии явились основными предпосылками угрожающего роста безработицы. В первых числах января местная биржа труда насчитывала зарегистрированных безработных несколько меньше ста человек, а в феврале их насчитывалось уже около тысячи.

Профессиональным союзам в борьбе с этим явлением пришлось итти на решительные меры. Помимо проведения в жизнь закона о страховании от безработицы, помимо организации коллективов безработных и с'емки с работы военнопленных, некоторые союзы шли на крайности, снимая более обеспеченных членов союзов и заменяя их менее обеспеченными безработными. В других союзах, как например, в союзе аптекарских служащих установили отчисления, доходящие до 8% от заработной платы (такие отчисления взимались с тех из работающих, кто живет у более состоятельных родителей).

Саботаж чиновничества после перехода власти в руки Советов в Уфе принял массовый характер. Сановные тузы, с первых же дней после Октября, стали на путь открытой борьбы с Советами. Они не только сами прекратили работу, но и втянули в авантюру часть мелкого чиновничества. Еще 15 декабря было созвано общее собрание низших служащих правительственных учреждений, на котором, как только был поднят вопрос о саботаже высшего чиновничества, часть присутствующих чиновников, свыше 20 человек, устроила обструкцию и демонстративно вышла из помещения.

Профессиональные союзы по отношению к саботажникам сразу же заняли классовую позицию. Совпроф, квалифицируя

саботаж как преступление, потребовал занести фамилии всех саботажников на черную доску, поощрив вышедших на работу. Выступили против саботажников производственные союзы и мелкие служащие; например, курьеры и служители постановили от них совершенно отмежеваться. К ним присоединились: общее собрание рабочих и служащих Бельского судоходства и служащие психиатрической больницы. Большинство же служащих заняли нейтральную позицию, не порицая саботажников, не поддерживая их. Профсоюзам в этот период пришлось вплотную заняться и организацией государственного аппарата.

Последние попытки соглашателей.

Соглашатели, потеряв под собой почву, однако, не смирились с положением. В 18 году они по своей политической близорукости делают попытки восстановить утерянное положение: на общих собраниях рабочих и служащих они начинают выдвигать снова свои лозунги:

«В защиту учредительного собрания» и

«за перевыборы Уфимского Совета».

Но и на этот раз получают полнейшее поражение. Металлисты Уфы на призыв к контр-революции ответили по-пролетарски:

-- Считать недопустимым участие металлистов в организации «защиты учредительного собрания» и всячески протестовать и принимать меры против забастовок и демонстраций.

Так же заявили полиграфисты, кожевники, телеграфисты ст. Уфа, пожарники, швейники, рабочие и служащие завода Видинеева, рабочие депо и службы пути, рабочие лесозаводов, строители и др

Беспримерно реагировали на происки соглашателей рабочие железнодорожных мастерских. Они не только постановили поддержать Советы, но и отказались от месячного пайка, передав шесть вагонов продовольствия в распоряжение Петроградского Совета.

Многие союзы: строители, деревообделочники и др. от слов перешли к самовооружению. Только отдельные единицы служилой интеллигенции поддержали меньшевиков, к числу последних относятся: почтовые чиновники, фармацевты и др.

20 июня происходило общее собрание членов профессиональных союзов, которое свое отношение к Советам выразило так:

Приступить к новой записи в боевую дружину для отпора контр-революции.

Соглашатели, порвав с рабочим классом, его профессиональными союзами, с этого момента встали на платформу вооруженной борьбы с Советами. Они, войдя в блок с наемниками империализма чехами, организовали восстание.

В ночь на 21 июня большевики вынуждены были оставить Уфу, а с ней и губернию. И профессиональное движение, принявшее столь широкий размах, должно было частично замереть и частично уйти в подполье.

Профсоюзы в условиях военного коммунизма.

Профсоюзы при колчаковщине. Можно считать, что почти до середины 19 года, т. е. до окончательного освобождения б. Уфимской губернии от белогвардейщины, профессиональное движение было мертвым. Правда, в январе 19 года, после первого отступления белых проводились по отдельным союзам организационные собрания и создавались профорганизации, но они, не успев окрепнуть, вновь умирали, так как белые вновь заняли Уфу, а в условиях колчаковщины легальное существование их было невозможным. Более того, профессиональному активу при отступлении Красной армии приходилось или уходить с ней, или, оставаясь на месте, скрываться.

О состоянии профдвижения, после занятия Уфы чехами (в 18 г.), могут дать некоторое представление четыре протокола заседания президиума Губпрофсовета, уже нового состава, так как все большевики ушли с Красной армией.

Первое заседание состоялось на четвертый день после отступления (25 июня). Присутствовали на нем Павлов В., Захаров Ф., Гармонов, Алексеев, Рышков и Иванов.

Что это был за Совет Профсоюзов догадаться не трудно по двум решениям президиума: в одном из них Совет постановляет создать комиссию... *по денационализации предприятий,* а во втором выдвигает своего председателя Павлова В. во временный комитет Городской Думы. Долго ли существовал данный Совет установить невозможно, ибо документов о нем не сохранилось, но можно предполагать, что он вскоре же распался. Последний протокол президиума датирован 16 (29) июля.

Переход профессионального движения б. Уфимской губернии после Башкирии на новые рельсы, в связи с НЭП, нужно считать, начался только с марта месяца 22 года, ибо голод и гражданская война сильно замедлили темп хозяйственного и профессионального строительства. Так, по крайней мере, ставил вопрос и Уфимский Губпрофсовет в своем отчете четвертому Всебашкирскому (об‘единительному) С‘езду Профсоюзов.

«Общую работу ГСПС за отчетное время,—говорится в отчете,—можно разделить на два периода: с августа 1921 г. по

март 1922 года—период «старых» задач союзов и с марта 1922 г.—период «новых» задач».

Отсюда значит, что, говоря о профессиональном движении на территории Башкирии при военном коммунизме, нужно охватывать почти трехлетний период.

Уделить много внимания движению в условиях напряженнейшей борьбы рабочего класса с организованным наступлением Антанты, мы не имеем возможности, но на основных моментах этой эпохи остановиться должны.

Основная задача профдвижения.

Рабочий класс, вырвав в октябре из рук капиталистов все средства производства, одним мановением руки восстановить их еще не мог, ибо война и капиталисты своей тактикой довели заводы и фабрики до небывалого развала.

Валовой выпуск продукции по всей промышленности в 18 году, включая сюда национализированные и частновладельческие предприятия, понизился на 55,3% против 1916 г. Средний месячный заработок фабричнозаводских рабочих с 20,20 товарных рублей (в 16 г.) дошел до 8,99 руб. (в 18 г.) *).

Ясно, что столь катастрофическое положение в промышленности было не менее опасной угрозой для диктатуры пролетариата, чем, скажем, вооруженное наступление капиталистов. Перед первым пролетарским государством с первых же дней его возникновения стала боевая задача во что бы то ни стало восстановить разрушенное хозяйство. Разрешение этой задачи было возложено на профессиональные союзы, как организованные отряды рабочего класса. Отсюда-то и вытекают, свойственные переживаемому моменту, задачи.

I Всероссийский с'езд профсоюзов, происходивший в январе 18 г. определил очередные задачи профдвижения так:

> «центр тяжести работы профессиональных союзов в настоящее время должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную. Профессиональные союзы, как классовые организации пролетариата, построенные по производственному принципу, должны взять на себя главную заботу по организации производства и воссозданию подорванных производительных сил страны. Самое энергичное участие во всех центрах регулирующих производство, организация рабочего контроля, регистрация и распределение рабочей силы, организация обмена между городом и

*) П. Коноценко. „Важнейшие моменты в истории профессионального движения в России".

деревней, деятельнейшее участие в демобилизации промышленности, борьба с саботажем, проведение всеобщей трудовой повинности и т. д.» *).

Вот, исходя из этих задач, и строилась программа деятельности профсоюзов как повсеместно, так и у нас в Башкирии.

Организация производства и участие в хозяйственном строительстве.

Для характеристики профессионального движения бывш. Уфимской губ., в условиях военного коммунизма, вполне достаточно взять последний год этой эпохи, ибо он является наиболее показательным в любом отношении. В отчете ГСПС IV Всебашкирскому с'езду, по вопросу об участии профсоюзов в организации производства, мы находим следующее:

«За отчетное время через ЭКО ГСПС (экономический отдел, ликвидированный с переходом к новым задачам. В. Г.),—говорит отчет,—были установлены вполне нормальные и деловые взаимоотношения со всеми хозяйственными органами губернии, главным образом с ГСНХ. Заведующий ЭКО входил с правом решающего голоса в состав президиума ГСНХ. Зачастую, созывались совместные заседания президиумов ГСНХ и ГСПС для обсуждения особо важных вопросов хозяйственного строительства.

«ГСПС принимал активное участие в работах Губэкономсовещания, путем постоянного там представительства и работал во всех основных комиссиях ГубЭКОСО: плановой, комиссии использования, фондовой и др. С другими хозяйственными органами также установлены достаточно нормальные и деловые взаимоотношения, путем выделения целого ряда представителей ГСПС в эти органы, как постоянных работников и как участников при разрешении отдельных вопросов».

В этом же отчете мы находим, что ГСПС, через экономический отдел, принимал непосредственное участие в проработке производственных программ, да не только ГСПС, но и все производственные союзы.

Занимался ГСПС в то время совместно с профсоюзами также и формированием органов управления промышленностью, кроме реорганизации и сокращения аппарата ГСНХ, ГСПС обсуждал и выдвигал кандидатуры членов президиума ГСНХ, за-

*) „Вестник Труда“ 1921 г. № 10—11.

ведующих секциями, отделами, как и руководителей предприятий. При участии ГСНХ сформированы управленческие органы на предприятиях: Н.-Троицкой суконной фабрике, Об'единенных кожевенных мастерских, металлообрабатывающих мастерских У.-Катавского и Юрюзанского районов, кожзаводов и др.

Таким же образом конструировались и остальные хозяйственные органы губернии.

Не проводились без участия профсоюзов и различные экономические обследования (например, суконной и бумажной фабрик в смысле подготовки их к пуску); профсоюзами же был усилен ответственными профработниками отдел снабжения ГСНХ (когда особенно обострился кризис в снабжении), принималось ими участие в учете складов, в проработке вопросов, связанных с деревообрабатывающей промышленностью, с коммунальным хозяйством и др.

Организация рабочей силы. В этом вопросе установка профессиональной работы делалась на повышение производительности труда, на обеспечение промышленности квалифицированной рабочей силой, с другой—на смягчение безработицы. Благодаря участию профсоюзов в борьбе за повышение производительности труда, она с 20—21 годов начинает подниматься, хотя к началу 22 года была еще ниже довоенной в два с половиной раза.

Массовое свертывание разбухших штатов государственного аппарата, закрытие отдельных предприятий создавало в нашем крае солидные кадры безработных. Профсоюзам пришлось серьезно браться за рассасывание рабочей силы вне пределов губернии. По данным упомянутого отчета, в 21 году было вывезено в другие районы из Уфы до 15000 безработных членов союзов.

Оставшихся же пришлось обеспечивать пайками.

Участвовали профсоюзы под руководством ГСПС также в привлечении рабочей силы и в порядке «вне экономического» принуждения, т. е. в порядке трудовой повинности.

Профсоюзы и снабжение рабочих. Больше же всего пришлось и ГСПС и отдельным союзам заниматься вопросом продовольственного снабжения рабочих. По существу, ГСПС совмещал в себе и межкооперативный центр, и регулирующий орган, и чуть ли не управление сельско-хозяйственным производством.

На протяжении всего периода военного коммунизма нашим союзам приходилось систематически выделять работников в продовольственный аппарат. Уфимские и южно-уральские ра-

4-й Всебашкирский С'езд Профсоюзов (июль 1922 г.).

бочие в этот период выполняли продовольственную разверстку и сопровождали хлебные партии не только в пределах губернии, но и вне ее. ГСПС по заданию центра не раз выделял большие партии продовольственников.

Но самым важным моментом в этой работе было участие профсоюзов в распределении пайков. Весь аппарат, ведающий распределением (губкомиссия по снабжению рабочих, губ. фондовая комиссия), был достаточно укомплектован представителями профсоюзов, ГСПС старался тогда, на наиболее важные посты Губпродкома, выдвигать своих работников (например, должность начальника губраспреда занималась ответственным профработником).

Много внимания уделялось профсоюзами и производственной сельско-хозяйственной работе. В 21 г. вместо Губернского Рабочего Бюро при Губпродкоме и Комитета Содействия при Губземотделе было создано Губернское рабочее Сельско-хозяйственное и Продовольственное Бюро («Губрабсельхозпродбюро»); Бюро состояло из выделенной ГСПС коллегии в составе 5, а затем 3 человек. Кроме чисто продовольственной работы, Губсельхозпродбюро с первых же дней занялось среди членов союзов сельско-хозяйственной производственной работой. Совместно с Губземотделом им был произведен учет свободных земельных участков и совхозов, которые после приписывались к отдельным союзам и предприятиям. Одновременно были приняты меры к обеспечению этих участков посевным материалом. В результатах таких мероприятий (несмотря на недостаток семян и инвентаря) членами профсоюзов к 22 году было засеяно земли около 2000 десятин.

Кроме того, ГСПС занимался заготовками дров, которыми снабжал членов профессиональных союзов. Но после, в связи с переходом на новые рельсы, передал эти заготовки (например, на пристани Каргино) Губтоплесу на условиях, что последний будет отпускать все дрова членам союзов с десятипроцентной скидкой. Если к этому прибавить, что ГСПС фактически руководил рабочей кооперацией (состав Совета Уфимских ЕПО состоял на 80% из представителей союзов), то будет достаточно ясно, какую роль играли наши профсоюзы в деле рабочего снабжения, в условиях военного коммунизма.

Нормирование труда и зарплаты. «Основным принципом регулирования заработной платы, в связи с борьбой за восстановление хозяйственных сил страны, должна служить ответственность рабочих и служащих за производительность труда перед своим союзом, а последнего перед общеклассовыми

об'единениями пролетариата. Для этого в основу тарифных положений должна быть положена система вознаграждения рабочей силы, возбуждающая соревнование трудящихся в их стремлении повысить производительность труда в национализированных, предприятиях, т. е. сдельная и премиальная оплата труда, построенная на трудовой норме выработки с точно установленной повышенной оплатой или соответствующим уменьшением рабочего времени за выработку сверх нормы. В тех же отраслях промышленности, где возможно провести нормировку работ, должна применяться повременная заработная оплата с точно регламентированным рабочим временем и с твердо установленными правилами внутреннего распорядка»—так определил тарифную политику II Всероссийский С'езд Профсоюзов в своей резолюции по вопросу о нормировании зарплаты.

Лучшей иллюстрацией проведения этой политики в бывшей Уфимской губернии могут служить постановления октябрьской (в 19 г.) городской конференции правлений союзов, фабзавкомов и месткомов по докладам: т. Бахутова об основных принципах тарифной политики и т. Калнина о тарифной работе в Уфимской губ. Первая из них гласит:

> «Исходя из основной задачи профессиональных союзов—восстановления хозяйственных сил страны—принципом регулирования заработной платы должна служить ответственность рабочих и служащих за производительность труда перед своим союзом. Для чего должна проводиться на местах сдельная и премиальная оплата труда, основанная на твердой тарифной политике, утвержденной соответствующими Всероссийскими об'единениями и Наркомом Труда. Местные профсоюзы, совместно с фабрично-заводскими ячейками на местах, должны быть проводниками твердой тарифной политики, основанной на применении определенных ставок, строго согласованных с характером работ, выполняемых трудящимися путем проведения на местах определенного внутреннего распорядка и рабочей дисциплины» и т. д.
>
> «Ответственными за проведение (очевидно, за повышение. В. Г.) производительности труда считать на местах фабрично-заводские комитеты» и т. д.

Вторая, уже более практическая, говорит:

> «Заслушав доклад о нашей тарифной политике в Уфимской губернии и прения, конференция констатирует, что:

— тарифная работа в Уфимской губернии до сих пор не налажена;

— замечается общее хищничество и разгильдяйство трудящихся при исполнении своих обязанностей;

— производительность труда низка.

«Учитывая серьезность данного момента и то, что Уфимская губ. снабжает наш уфимский красный фронт и голодающий революционный центр Советской России, что для этого требуется напряжение всех сил со стороны пролетариата г. Уфы,—конференция считает необходимым принять все меры к устранению вышеуказанных недочетов нашей тарифной работы с целью поднятия производительности труда».

Дальше резолюция излагает практические мероприятия, как проводить тарифную политику.

Из сопоставления этих трех резолюций мы можем смело заключить, что директива центра не только была здесь усвоена, но и проводилась практически в жизнь вплоть до НЭП'а.

Профессиональное просвещение. Культурно-просветительная работа профсоюзов быв. Уфимской губернии в эпоху военного коммунизма, конечно, не имела широкого размаха, как теперь, она не была даже систематической и повседневной. Это обуславливалось рядом серьезнейших причин: во-первых, союзы переживали финансовые затруднения; во-вторых, главное внимание приходилось уделять хозяйственным, организационным и др. вопросам, а в-третьих, не было достаточного кадра культурников, как и не было опыта. Но тем не менее работа шла и культурные учреждения союзов не обходили ни одной кампании, выдвигаемых партией, Советской властью и высшими профессиональными органами.

Только между 3 и 4 Губернскими С'ездами профсоюзов культотделам пришлось провести до 20 различных кампаний: «Неделя Профинтерна», «Неделя Красного Командира», «Неделя Красной Армии», о суде над эсерами, об из'ятии церковных ценностей, о надвигающемся голоде и т. д. и т. д.

Одновременно развертывалась и сеть культурно-просветительных учреждений: открывались союзные клубы, организовывались кружки, устраивались лекции и, наконец, налаживалось снабжение союзной периферии всем необходимым для культработы, а главное литературой. В 21 году, например, было отпу-

щено Губпрофсоветом 10000 экземпляров периодической и непериодической литературы.

Занимались союзы и редакционно-издательской деятельностью. Губпрофсовет, помимо выпуска кампанейских листовок и брошюр, до 1 марта 22 года издавал «Бюллетень Профдвижения» и ежемесячник «Фронт Просвещения» (последний издавался совместно с Губоно). Задачей «Бюллетеня», как видно, ставилось распространение в массе идеи и принципов профессионального движения. В № 1 «Бюллетеня» мы имеем исключительно популярные статьи о профдвижении: «Что такое союз и его задачи», «Для чего и как поднять производительность труда», «Транспорт и роль союза в его организации» и др. Несомненно, этот «Бюллетень», несмотря на его технические недостатки, оказывал не малую услугу профдвижению. После первого марта Губпрофсовет приступил к изданию большой, еженедельной газеты «Рабочее дело», но через 8 месяцев эта газета была влита в газету «Власть Труда», на правах приложения под названием «Рабочая Жизнь».

Профсоюзы—основа диктатуры пролетариата.

Выполняя уйму хозяйственных и других обязанностей, наши профессиональные союзы в эпоху военного коммунизма не забывали и своей основной классовой задачи: профсоюзы—опора диктатуры пролетариата.

Как они выполняли эту задачу можно бы привести много чрезвычайно ярких фактов, но ограничимся двумя, тремя выдержками из протоколов. Губпрофсовет в заседаниях своих от 23 и 29 сентября 19 г. заслушивал доклады т. Калнина о предстоящих выборах Городского Совета. По существу вопроса ГСПС выносит такое решение:

«Принять активное участие в предвыборной (и перевыборной) кампании, установить тесную связь через отдельного члена президиума с работами в комиссии по выборам в Совет Р. и С. Депутатов, а организационную работу в союзах, в связи с выборами, возложить на т. т. Калнина и Соколова».

Когда же вопрос поднимался об укреплении ли рядов партии, о пополнении ли Красной армии, наши профсоюзы также были на первой линии. На октябрьском об'единенном заседании комфракций профорганизаций и культработников профактив выносит постановление по поводу мобилизации, которое гласит:

«Открыть энергичную агитацию для поддержки и содействия назначенной на 1 ноября мобилизации до 35 лет. Одновременно с этим широко агитировать на всех предприятиях и

учреждениях за добровольную запись в ряды Красной армии и за выделение возможно большего количества ответственных преданных товарищей».

В эти же годы профессиональным союзам пришлось искоренять остатки меньшевистского влияния, имевшегося, в частности, в Союзе Полиграфистов. Как известно, центральный комитет Союза Полиграфистов до августа месяца 1919 года был меньшевистским и вел оппозиционную политику по отношению к Советам. В 19 году он был похоронен, выросшим количественно и качественно вторым Союзом Полиграфистов—«Красным», как его именовали тогда в противовес меньшевистскому «желтому союзу».

Нашим полиграфистам принадлежит в борьбе с «желтыми» не последнее место. Несмотря на то, что в рядах уфимских полиграфистов имелась группа меньшевиков, правда, очень незначительная, общее настроение среди рабочих было здоровым. Еще по вопросу о рабочем контроле рабочие типографий Уфы подавляющим большинством отбили атаки меньшевиков и приняли предложения большевиков. Позднее, в 19 году, после занятия Уфы Красной армией, полиграфисты в первые же дни собрали общее собрание, на котором и обсудили вопрос о расколе печатников в центре. Собрание единогласно постановило организовать в Уфе «Союз Красных Печатников» и избрало новый состав руководящего союзного органа.

А в ноябре состоялась губернская конференция союза, которая целиком и полностью подтвердила правильность политики губернского отдела и одобрила вступление в ряды Красного Союза Полиграфистов.

Не было конца беспримерным героическим поступкам организованных рабочих Уфы и губернии в эти тяжелые годы. В 21 году, когда рабочие и служащие сами ели через два дня на третий, тем не менее не забывали о тех, кто совсем ничего не ел. Скромный отчет Губпрофсовета сообщает, что профсоюзы отчислили за сравнительно короткий срок:

— от пайка 4000 пуд. муки;

— от заработной платы 20 миллиардов рублей;

— муфактуры—25000 аршин;

— от заработка за сверхурочные, субботники—80 миллиардов рублей;

— содержали в своих детских домах на средства союзов около 1500 человек голодающих детей.

Кроме того, велась широкая агитационная работа, принималось участие в работе специальных комиссий и т. д. и т. д.

И это происходило почти тогда, когда сам Губпрофсовет не имел средств к существованию и вынужден был устраивать в свою пользу благотворительные спектакли, когда заработок квалифицированного рабочего едва ли достигал двух товарных рублей.

На такие дела способен был только класс, вышедший из рабства и отстаивающий свою диктатуру.

5-й Всебашкирский С'езд Профсоюзов (сентябрь 1923 г.).

Профессиональные союзы на новых рельсах.

Новые задачи. IV Всебашкирский С'езд

IV Всебашкирский С'езд Профессиональных Союзов, состоявшийся в июле 22 года, явился в условиях Советской Башкирии историческим: он завершил окончательно полный переход наших профсоюзов на новый курс, в связи с введением новой экономической политики, и об'единил профессиональное движение бывш. Уфимской губернии и Малой Башкирии, в связи с образованием нынешней Башкирской Автономной Социалистической Советской Республики.

Сравнительно поздний переход наших профессиональных союзов на новый курс нужно об'яснить специфическими экономическими условиями в жизни края в эти годы, вызванными особенно сильной разрухой и голодом. Губпрофсовет в своем отчете на четвертом с'езде профсоюзов говорил:

> «Быстрый переход на новые рельсы хозяйственного строительства тормозился вследствие голода и общего хозяйственного развала губернии. Проведение в жизнь практических начал новой экономполитики (отбор жизненных предприятий, сдача в аренду мелких, сокращение штатов, новые системы оплаты труда, налоговая система, раскрепощение промышленности и т. д.) шло по вышеуказанным об'ективным условиям довольно медленно и в значительной степени непланомерно. Это в достаточной степени осложняло работу Губпрофсовета и всех профорганизаций губернии, не давая возможности быстрому и правильному развертыванию таковых».

С другой стороны, как об'яснял в отчете Губпрофсовет, было достаточно неясностей в директивах центра, а иногда отдельные из них не увязывались с положением вещей на месте, что тоже тормозило переход к новым задачам.

> «Тезисы ЦК ВКП (б) о новых задачах профсоюзов, а затем практические постановления пленума ВЦСПС от 15—17 февраля 1922 г. устранили все неясности... Однако, потребовалось, по об'ективным условиям губерний, еще некоторое время, чтобы вплот-

ную подойти к осуществлению этих новых задач профсоюзов»,—говорится в том же отчете. Поэтому-то до IV с'езда профессиональной работы, на основе новых задач было чрезвычайно мало, что еще лишний раз подтверждает правильность нашего вывода о фактическом переходе профсоюзов Башкирии на новый курс только с IV Всебашкирского с'езда.

Как понимался новый курс у нас в Башкирии, правильно ли были усвоены директивы по этому поводу декабрьской партконференции (21 г.) и февральского (22 г.) Пленума ВЦСПС— на эти вопросы попробуем ответить выдержками из документов, рисующих профдвижение в условиях Башкирии. Вот важнейшие из пунктов тезисов, принятых IV с'ездом по вопросу о новых задачах профсоюзов.

«В условиях складывающихся новых экономических отношений задачи профсоюзов, как и всех рабочих организаций, существенно изменяются. В результате империалистической и гражданской войны Советская власть вынуждена незначительные ресурсы республики использовать с большим вниманием и пользой для государства, направляя их на основные отрасли хозяйства, на крупнейшие предприятия. Все же остальное в целях развития производительных сил необходимо передать на договорных началах в эксплоатацию частному капиталу (аренда, концессии, смешанные общества и т. д.)».

«Рабочий класс, организованный в профсоюзы заинтересован в увеличении материального фонда и поднятии производительных сил страны. Поэтому основной задачей союзов является всемерная поддержка Советской власти и всех ее мероприятий, а главное ее экономических мероприятий в части укрепления крупной госпромышленности».

«Сдача госпредприятий в аренду, концессии, а также и создание гострестов, работающих на основе коммерческих отношений, развитие товарного рынка вообще, заставляет союзы перенести центр тяжести работы в область защиты повседневных материальных правовых и культурных нужд рабочего класса, памятуя, что основные интересы рабочих, об'единенных в профсоюзы, всем содержанием своего существования и работы защищать Советскую власть».

«Принцип коммерческого расчета требует строжайшей ответственности, руководителей предприятий

и государство представляет им свободную инициативу, а это требует определенной гибкости, предприимчивости, единства воли и осуществим лишь при условии проведения единоначалия во всех органах хозяйственного управления сверху до низу. Поэтому профсоюзы, не вмешиваясь в управление производством, должны, как заинтересованные в восстановлении народного хозяйства, выдвигать кандидатов на хозяйственные должности, обсуждая эти кандидатуры совместно с хозорганами, подходя по-деловому к оценке кандидатур».

«При современных экономических отношениях правильным путем тарифной работы является коллективный договор между предпринимателями или заводоуправлением, с одной стороны, и союзом—с другой, который определяет заработную плату на основе учета общего состояния народнаго хозяйства, значении данной отрасли промышленности и стремится к неуклонному улучшению интересов рабочих и служащих».

«Заключение коллективного договора должно являться крупным фактом в жизни рабочих данного предприятия и поэтому коллективный договор не может быть заключен без обсуждения его на общем собрании. Коллективный договор должен стать фактором связи масс с союзными верхами и фактором вовлечения масс рабочих к сознательному участию в организации производства».

«Развивающийся частный капитал неизбежно вызовет и борьбу труда с капиталом в этих предприятиях. И для успешного ведения борьбы, союзы должны очистить свои ряды от самостоятельных производителей и кустарей; профсоюзы должны остаться организациями наемных рабочих».

Эти решения означают, что профсоюзы Башкирии, не изменяя своих задач, как организованных отрядов рабочего класса, призванных быть оплотом диктатуры пролетариата принимают на себя новые обязанности, выдвигая из них на первый план защиту экономических интересов трудящихся.

Как проводились новые задачи в жизнь разберем ниже.

Ближе к массам. При военном коммунизме, профсоюзы, как мы уже видели из предыдущей главы, на половину являлись государственным аппаратом. Выполняя определенные

почти управленческие функции, они строили свой аппарат с расчетом установления максимальнейшей связи с высшими хозяйственными органами. Взять тот же Губпрофсовет—он прекрасно был увязан с любым губернским отделом, но очень слабую связь имел с периферией. Переход к новым задачам, вполне естественно, заставил профсоюзы перестроиться и оживить свою работу непосредственно в массе.

И накануне IV Всебашкирского С'езда Профсоюзов, и после него повсеместно проводится кампания по выделению на предприятиях делегатов; в Уфе проводятся обще-городские конференции профессионального актива, включая сюда и делегатов, пересматриваются аппараты губотделов (ликвидация секретариатов); вводится институт инструкторов; реорганизуется аппарат союзных органов вообще (на 1 января 22 г. профработников по губернии насчитывалось 820 человек, а на 1 апреля их уже было 270 человек); усиливаются работниками уездные отделения, идут повсеместные перевыборы фабзавкомов; проводится двухнедельник по укреплению фабзавкомов; ведется обследование низовых организаций, создается организационно-инструкторская коллегия, которая возлагает руководство по перестройке организационной работы союзов и т. д. и т. п.

Одновременно проводится вторая перерегистрация членов союзов (первая проводилась в 21 г., в связи с чисткой профсоюзов) на основе добровольного членства. На первое июля 1922 г. было зарегистрировано добровольных членов 88949 человек, а на 1 июля 23 года их осталось только 35239 (без Белорецкого Округа). Столь значительное падение об'ясняется отходом части Башкирии с заводами Южного Урала к Челябинской губернии. Фактически же перерегистрация незначительно изменила численный состав союзов. Охват профсоюзами рабочих Башкирии на 1 июля 23 г. выразился 94,96 процентов: из 38111 рабочих состояло в профсоюзах 35239 человек. Этот факт показывает, что советские профсоюзы завоевали доверие средира бочих масс.

Новая тарифная политика. Сущность нового курса профдвижения в вопросе тарифной политики состояла из следующих моментов:

1) Привлечение частного капитала в промышленность и торговлю ставило перед союзами задачу прямой борьбы с капиталом за интересы рабочих и служащих.

2) Переход на хозяйственный расчет госпредприятий мог вызвать со стороны хозяйственников погоню за большой прибылью за счет нарушения тех или иных интересов рабочих и

служащих, что опять-таки возлагало на профсоюзы обязанности защищать интересы последних.

В общем новые задачи профсоюзов в тарифной политике сводились к постепенному, на основе роста народного хозяйства, улучшению экономического положения рабочих и служащих. Второй вопрос—какими мерами можно было обеспечить выполнение этих задач. На это ответят тезисы к IV Всебашкирскому С'езду по тарифному вопросу; пункты 1 и 6 тезисов гласят:

> «Формой, дающей гарантию выполнения минимума заработной платы и других гарантий, должен явиться коллективный договор, заключаемый союзом с хозорганами, и потому союзы должны относиться к заключению коллективных договоров по всем без исключения об'единяемым ими предприятиям и учреждениям».

> «Опубликованный минимум заработной платы (органами труда) является исходным моментом для определения заработной платы при заключении коллективного договора».

Теперь, как проводились эти принципы в жизнь?

Из отчета к V Всебашкирскому с'езду профсоюзов мы видим, что к сентябрю 23 года уже 75% членов союзов (26689 человек) были охвачены коллективными договорами, которых было заключено по республике 102. Заработок же квалифицированного рабочего, составлявший на 1 июля 22 года не более 2 товарных рублей, к V с'езду, т. е. через 14 месяцев, достиг уже 50% довоенного уровня, а в 25 году ставка 1 разряда по государственным предприятиям, в среднем, составляла 11 р. 29 коп., по частным же—14 р. 59 коп.

Участие профсоюзов в хозяйственном строительстве.

Слияние б. Уфимской губернии и М.-Башкирии вызвало необходимость перестройки промышленности и реорганизации управленческих органов. Профсоюзы, конечно, не могли остаться безучастными к этому мероприятию и Всебашкирские союзные органы вплотную занялись реорганизацией. По поводу слияния промышленности в то время имелись два течения: одно—создать, по примеру Уфпрома, об'единенный орган управления комбинированной промышленностью, другое—организовать тресты по отдельным отраслям промышленности. Профсоюзы, в лице Башпрофсовета, стали на первую точку зрения, что и решило участь промышленности: прошло первое предложение. Помимо участия в организации управления промышленностью, профсою-

зам первое время пришлось принимать и непосредственное участие в ударных хозяйственных кампаниях, выделять, например, работников для заготовки топлива для Красноусольского завода, посылать за сырьем на Украину для Н.-Троицкой фабрики и т. д.

Слабее несколько принимали участие в производственной работе низовые профорганизации. Были случаи неправильного понимания задач профсоюзов в новых условиях. Считали, что дело союзов—защита интересов трудящихся и только, а укрепление и развитие производства, мол, дело хозяйственников. Межсоюзным органам пришлось бдительно следить за уклонами и своевременно изживать их.

Насколько серьезное отношение к производству, к вопросу производительности имелось у профессиональных союзов можно судить по решениям с‘ездов профсоюзов и достижениям промышленности. Еще IV С‘езд Профсоюзов Башкирии по вопросу о производительности труда вынес такие решения:

> «С‘езд отмечает, что поднятие производительности труда и экономическое улучшение производства должны стать одной из важнейших задач экономической работы профорганизаций, практически с‘езд предлагает: а) изжить в самом коротком времени разделение на «мы» и «вы», как со стороны профорганизаций, так и хозяйственников, что даст возможность плодотворной работы обеим сторонам; б) признать обязательным участие представителей профсоюзов на всех технических совещаниях предприятий, а также при рассмотрении и утверждении производственных программ и технических смет, и вообще все вопросы, касающиеся производства, должны разрешаться при участии представителей профсоюзов; в) усилить свое участие в регулирующих и плановых экономических органах БССР».
>
> «Признавая громадную важность производственных совещаний и комиссий, призванных сыграть громадную роль в поднятии производительности труда, с‘езд предлагает профорганизациям и административно-техническому персоналу предприятий усилить свое внимание таковым, устраивая как можно чаще производственное совещание, прислушиваясь к каждому рабочему, предлагающему те или иные мероприятия в улучшение производства, отдавая должное внимание и мелочам, тем самым развивая стимул заинтересованности в этой работе каждого рабочего».

В какой мере были выполнены эти решения можно определить по цифрам за 24—25 г., далеко не полным. Мы видим, что выработка продукции на одного рабочего (в денежном исчислении) в 24—25 году против предыдущего года выросла, в среднем, по всем видам промышленности на 46,7% (при росте заработка в цензовой промышленности на 35%) и по отдельным:

по горно-добывающей—на 30,7%;
по металло-обрабатывающей—на 187,6%;
по селикатной—на 48,4%;
по текстильной—на 20,1%;
по кожевенной—на 128,3%;
по пищевой—на 106,6%;
по бумажной—на 61,4% и
по полиграфической—на 32%.

Эти цифры достаточно ярко характеризуют отношение организованного пролетариата Башкирии к производству при НЭП.

Национальный вопрос в профессиональном движении БАССР.

В условиях национальной республики в любой отрасли общественно-политической жизни большое значение имеет национальный вопрос. В профессиональном движении, как в организованном движении рабочего класса, призванного раскрепощать ранее угнетенные национальности, отсталые в экономическом и культурном отношениях, этот вопрос должен был играть особенную роль. В Башкирии же, где коренные национальности не были втянуты в производство ранее, приходилось и приходится ставить его не только в плоскости вовлечения их в профессиональное движение, но и в производство, к участию в строительстве социалистической промышленности, что значительно осложняет задачу.

Организованное участие профсоюзов в вовлечении башкир и татар в производство, нужно считать, началось с VI Всебашкирского с'езда (в 24 году), который так определил эту задачу профдвижения:

> «В целях вовлечения в производство татаро-башкир, с'езд считает необходимым:
>
> «1) В школы фабзавуча при предприятиях вербовать не менее половинного состава из татаро-башкир, привлекая туда, в случае отсутствия таковых на предприятиях, детей беднейшей части окружающего крестьянства.
>
> «2) Держать курс на пополнение кадра подсобных рабочих и на работах, не требующих высокой квалификации на предприятиях, из беднейшей части

татаро-башкир. Одновременно с этим принять все меры к переводу лучшей части подсобных рабочих татаро-башкир в производственные. Там, где это не пойдет в ущерб предприятия, допускать подсобных рабочих татаро-башкир к практическому ознакомлению с работами предприятия и повышению их квалификации, создавать бригады, или в одиночном порядке наиболее способных, из подсобных и неквалифицированных рабочих татато-башкир, обучать во внеурочное время отдельным специальностям данного предприятия.

«3) Там, где можно будет провести без ущерба для предприятий, заменять отдельных рабочих русских, находящихся в достаточно благоприятном имущественном положении, татаро-башкирами из беднейшей части, ищущих труда рабочих и крестьян.

«4) Усилить выдвижение татаро-башкирских рабочих в административно-технический персонал предприятий».

И это решение не было «бумажным»; уже через год оно дало ощутительные результаты. К 1 октября 25 года число рабочих татаро-башкир, занятых в промышленности Башкирии, выросло в абсолютной цифре с 6909 человек до 13484 человек, а в процентном отношении с 17 (на 1 октября 24 г.) до 23%. При чем рост татар в производстве определился 2%, а башкир 4%. Выросло за этот год число профработников из националов в областных, кантонных и низовых организациях почти на 40% против 24 года.

Сравнивая процентное соотношение членов союзов по национальностям со средним процентом руководящего состава (тоже по национальностям), можно смело делать вывод, что в 25 году обслуживание всех национальностей было равномерным:

Русских выборных работников, при 71% русской членской массы, было 66%, башкирских, при 10% членов союзов—башкир—9%, татар при 13%—19% и т. д.

Так наши профессиональные союзы начали проводить национальную политику.

Итоги профессионального движения к X октябрю.

По пути осуществления связи с массами.

Профессиональное движение за последние годы держало тот же курс, который был намечен партией, в связи с переходом к новой экономической политике. V Всероссийский С'езд, последовавший за XI с'ездом партии (сентябрь 25 г.) только подтвердил основные директивы, преподанные ранее. А февральский Пленум ВЦСПС детализировал их:

> «Центр тяжести работы профессиональных союзов,—сказал он в своих решениях,—должен быть перенесен в область практического осуществления связи с массами на почве неустанной работы над удовлетворением экономических, духовных и бытовых нужд рабочих.
>
> «Все стороны жизни рабочего должны быть одинаково близки и важны для союза. Союз должен заботиться не только об охране и улучшении условий труда своих членов, но в равной степени об улучшении его повседневного быта, просвещения его, поднятия его классового самосознания и предоставлении ему здорового, разумного отдыха и удовольствия».

Поэтому-то в последние годы профессиональное движение целиком шло по пути своего развития, по пути качественного улучшения профессиональной работы, путем все большего приближения союзных органов к массам.

В истории развития профдвижения в Башкирии годы 26 и 27 прошли под знаком дальнейшего сплочения рабочих рядов, оживления работы низовых организаций, роста национального ядра и поднятия материально-культурного уровня рабочих Башкирии.

Семидесятишеститысячный отряд.

Прежде всего, какие итоги мы имеем в составе профессиональных союзов?

На первое октября 25 г. профсоюзная армия состояла из 58653 человек, а сейчас она достигла 76651 чело-

века, или выросла за эти два года почти на 30%. При этом мы имеем определенное увеличение процента националов и женщин: если первые на 1 октября 25 года немного не составляли 23%, то на 1 апреля 27 г. процент их вырос до 26,1%. Вторых же на 1 октября 25 г. к общему числу членов союзов было (взрослых и подростков) 21%, а на 1 апреля 27 г. стало (тоже с подростками) 22,8%.

Хотя и медленно, но неуклонно наши союзы впитывают в себя и националов и женщин. Растет также участие тех и других в руководстве профорганизациями: женщин во всех профорганах (обл. отделы, кантотделения, низовые ячейки) в 26 году было 17,53%, а в 27 стало 18,33%, татаро-башкир в 26 г. было 26,76%, а в 27 г. стало 30,12%.

Укрепляется в профессиональных организациях и партийная прослойка: в 26 г. коммунистов было 40,86%, а в 27 г. их стало 43,7%.

Последнее нужно отнести целиком за счет роста авторитета партии.

Одновременно с ростом профессиональных союзов, с укреплением союзного аппарата, несомненно, улучшается и связь с массами. Лозунг «ближе к массам» не на словах, а на деле претворяется в жизнь. Широко за последние годы стал практиковаться созыв совещаний профактива как при областных отделах, так и при районных комитетах. Общие собрания стали созываться более регулярно, повестки дня сокращаются и вопросы ставятся наиболее интересные. Собираются также делегатские собрания, собрания по сменам и т. д. и т. п.

Если к этому добавить то, что областные союзные, а также кантонные межсоюзные с'езды проходят под знаком растущей активности, что делегаты в большом проценте рядовики, то можно еще раз подтвердить наш вывод по этому вопросу.

Дальнейшее улучшение экономического положения рабочего класса.

Дальнейшее улучшение экономического положения рабочих может быть достигнуто только за счет повышения производительности труда—так определялась задача профсоюзов Башкирии в вопросах тарифной политики. В связи с этим вся профсоюзная периферия за последние годы вплотную занялась изучением экономики своих предприятий и их перспектив в смысле дальнейшего развития.

Помимо этого, союзы перед каждым перезаключением колдоговора проводили и проводят ознакомление рабочих с экономическим положением данного производства, а вслед за

7-й Всебашкирский С'езд Профсоюзов.

этим выносят на обсуждение проекты колдоговоров. Можно твердо сказать, что сейчас уже изжиты случаи перезаключения колдоговоров без предварительного обсуждения. Обычно, в обсуждении колдоговора принимают участие от 50 до 90% рабочих, что указывает на то, что интерес к нему попрежнему остается напряженным.

На 31 января по всем предприятиям и учреждениям числилось учтенных договоров: коллективных—791 (ими охвачено работающих 62432), индивидуальных—3826. Охват договорами работающих от общего числа в 26 г. составлял 77%, а в 27—79%.

Почти по всем договорам 27 г. отмечается некоторое повышение ставки 1 разряда против 26 г.: в государственных предприятиях она повысилась с 11 р. 41 к. до 11 р. 96 коп., в кооперативных с 11 р. 25 к. до 11 р. 65 коп., а в частных с 14 р. 64 к. до 14 р. 89 коп. Средний рост определился в 3,3%. Здесь надо отметить, что этот рост падает преимущественно на подтягивание низко-оплачиваемых групп и частичное подтягивание низших разрядов.

Средний месячный заработок рабочего в цензовой промышленности за первую половину 26—27 года определился (средний по всем видам промышленности) в 43 руб. 34 коп., или вырос против первой половины 25—26 г. на 16%.

Но рост реальной заработной платы определяется не только повышением ее на предприятии, он зависит также от состояния рынка. В 27 году была проведена при участии профессиональных союзов большая работа по снижению цен, которая дала ощутительные результаты на бюджете рабочего и служащего. Возьмем индекс (набор определенных продуктов), он в 25—26 году стоил (средний по всем кантонам) 15 руб. 48 коп., а в 27 году к 1 октября обходился рабочему в 13 р. 58 к., или на 6,1% дешевле. Отсюда значит, что реальная заработная плата выросла уже не на 15, а на 22,1%.

Производительность труда и профсоюзы.

Участие профсоюзов в хозяйственном строительстве Башкирии за последние годы приняло наиболее четкие формы. Высший межсоюзный орган—Башпрофсовет сосредоточил свое внимание на участии в работе планирующих и регулирующих организаций (СНК, ВСНХ, Госплан и др.), а низовые ячейки занимаются непосредственно на предприятиях. Башпрофсовет в течение года заслушал доклады: Башпрома, ЦРК, Башсоюза, Башоблстрахкассы, Комвнуторга и др. Каждому из этих органов были даны те или иные указания, как касающиеся самого хозяйства, так и рабочих.

Союзы в нынешнем году активно участвовали в проработке промфинпланов и занимались текущими хозяйственными делами отдельных предприятий и учреждений, путем заслушивания докладов хозяйственников.

Большая работа, давшая большие результаты, была проделана на предприятиях производственными совещаниями.

Сведения за первое полугодие 26—27 года указывают, что всего предложений по всей промышленности было передано администрации 1116, из них: от рабочих поступило 814 (63%) и от административно-технического персонала 302 (27%).

Из общего числа предложений в стадии согласований к концу полугодия находилось 81 предложение, было принято полностью 957, частично—41, отклонено администрацией—2 и оставлено без ответа—35.

Из числа принятых уже выполнено полностью 610 предложений и частично—108.

Эти цифры достаточно ярко характеризуют колоссальную пользу, приносимую рабочими массами через производственные совещания.

Имеет также большие достижения, в результате правильной и серьезной работы профсоюзов, наша промышленность и в части поднятия трудовой дисциплины. Общее число всех прогульных часов, достигшее в 26 году 8,6% по отношению ко всему числу фактически отработанных часов, в 27 году снизилось до 7,56%. В частности, прогулы по неуважительным причинам сократились с 2,34% (в 26 году) до 1,24% (в 27 году).

Несколько хуже обстоит дело с невыходами по болезни: в 26 году они равнялись 3,12% количества фактических рабочих часов, а в 27 г. выросли до 3,57%. Причиной роста невыходов по болезни следует считать неравномерность в росте интенсивности труда и улучшений по технике безопасности и общих условий труда по предприятиям.

Но так или иначе, а достижения последних лет в отношении укрепления производства имеются большие, что достигнуто только благодаря активному участию в хозяйственном строительстве организованных в профсоюзы рабочих.

Безработица и борьба с ней. Одним из больных мест в профессиональном движении Башкирии за последние годы нужно считать безработицу, которая, в связи с отсутствием нового промышленного строительства и сравнительно медленного развития сельского хозяйства, подорванного голодом и гражданской войной, а отсюда с продолжающимся наплывом излишков рабочей силы из деревни не только остается систематической

но и растет. Из года в год, несмотря на рост занятой в производстве рабочей силы, мы имеем рост числа безработных: в 26 году на 1 октября безработных насчитывалось 4.131 человек, а на тот же срок 27 года количество выросло уже до 6.023 человек.

Помощь безработным оказывается по нескольким линиям: по линии трудовой помощи, организации общественных работ и по линии выдачи пособий. За последний год в порядке трудовой помощи были организованы трудовые коллективы: швейников, кожевников, пекарей, прачечников, преподавателей и бюро поручений. Биржей Труда проводились общественные работы, на которые было затрачено 15.000 руб. и привлечено свыше 700 человек.

Пособия выдавались страхкассой—за год выдано 173.959 р и союзами—выдано до 27.000 руб.

Но этими мерами можно было только облегчить положение безработных, несколько сократить безработицу, но не изжить ее, как таковую. Очевидно, в будущем и профессиональным союзам придется заняться установлением таких условий в деревне, которые бы задерживали излишки рабочей силы на месте.

Работа в деревне. За последние почти 2 года профсоюзы сверху и донизу особое внимание уделяли работе в деревне. Вопрос организации и вовлечения в профессиональное движение батрачества, вопрос оживления работы основных деревенских профсоюзов: союза сельхозрабочих, совторгслужащих и рабпроса были все время в центре внимания. Это можно подтвердить хотя бы тем фактом, что доклады о работе на селе и доклады союза сельхозрабочих стояли на 2-х пленумах Башпрофсовета и на двух заседаниях его президиума. Столь серьезное внимание, безусловно, не могло не сказаться на деревне: за год число волостных комитетов союза сельхозрабочих выросло с 80 до 97, а сельбатрачкомов со 122 до 194.

Вырос и профактив, что сказалось на работе по учету батраков: в 26 году последних было учтено только 19.000 чел., а в 27 году (на 1 июля) уже охвачено учетом 36.722 человека. Членством к этому сроку было охвачено 16% от всего числа батраков.

Культурная отсталость деревни, разбросанность работников по найму и раз'единенность—сильно тормозят работу по организации сельского пролетариата, но, несмотря на это, профессиональные союзы Башкирии продвигаются вперед и по этому пути.

Президиум Башпрофсовета последнего созыва.

Подготовка к коммунизму (просвещение). Следующая основная задача профессионального движения: профсоюзы - школа к коммунизму - в значительной мере последними выполняется и по линии культурно-просветительной работы. Долгое время этот вид работы профсоюзов был, если можно так выразиться, в загоне, он не имел должного размаха и не пользовался должным вниманием со стороны союзов, ибо перед последними стояло много других боевых задач. Гражданская война, участие в управлении производством, переход на новые рельсы, голод и другие об'ективные обстоятельства в значительной мере отражались на культурной работе. Кроме того, тормозили и тормозят последнее наши специфические условия, свойственные любой национальной республике, как-то: общая культурная отсталость, отсутствие работников, а главным образом, из националов, маломощность союзов и другие.

Только за последние годы, в связи с общим улучшением экономического положения трудящихся и ростом культурных запросов со стороны масс, культурная работа начинает развертываться. Во всяком случае, профсоюзы и в этом отношении ушли далеко вперед от того периода, когда они располагали, только холодным Дворцом Труда и мечтали об организации первого рабочего клуба (это было в 17 году, когда Советом профсоюзов ставился вопрос об открытии «Клуба Труда»). Не имея возможности подробно останавливаться на достижениях профсоюзов Башкирии по культработе, мы подведем хотя бы краткие итоги тому, что есть и что достигнуто.

Скажем, что к концу 27 года в Башкирии насчитывалось только рабочих клубов 43 с числом членов в 9.142 человека. При чем уже имелись такие клубы, где платные работники были сведены на-нет, а работа между тем не уменьшилась, она велась силами организованных в кружках на добровольных началах рабочих (кружков имелось в январе 27 года 238 с числом членов 5.898 человек). Помимо клубов в летнее время функционировали и функционируют профсоюзные сады, которых в 27 году имелось 17, а также и красные уголки. Последние, подчас, развертывают работу, пожалуй, не хуже клубов, например, за февраль месяц красными уголками было организовано художественных выступлений 201, ими обслужено 27.417 человек, и проведено массовых мероприятий 706, которыми обслужено 31.893 человека.

Это одно из крупнейших достижений во всей системе культурно-просветительной работы профессиональных союзов.

Новым и тоже одним из крупнейших достижений последнего года в культработе была профессиональная учеба: в течение зимы 26-27 года по Башкирии работало 140 школ и круж-

ков профграмоты, которые пропустили 2.460 человек преимущественно активистов. Большим препятствием, мешающим этой работе, как показал опыт, было отсутствие профпропагандистов. Посылаемые руководителями ответственные работники, по своей перегруженности, часто не оправдывали своего назначения. В нынешнюю зиму для обслуживания рабочих профучебой в деревне организованы и выпущены впервые кантонные профпередвижки.

Производственное просвещение в Башкирии осуществляется 6 фабрично-заводскими школами, 2 профтехшколы и рядом производственных курсов. Но в работе первых, благодаря недостатку средств, слабому руководству и другим причинам имеется еще много недочетов. Главнейший недочет фабзавшкол заключается в том, что они не всегда готовят специалистов, в которых нуждается наша промышленность. Со стороны Башпрофсовета к изжитию имеющихся недочетов принимаются самые энергичные меры и, надо полагать, что они в значительной доле будут устранены в 27-28 учебном году.

Отдых. VII с'езд профсоюзов Башкирии дал жесткую директиву профсоюзам о сочетании в их культурно-просветительной работе элементов отдыха и учебы. Клубы и красные уголки уже проделали в этом направлении солидную работу: улучшились семейные вечера, шире стали практиковаться вечера самодеятельности, как ценный опыт, железнодорожники начали проводить «веселый час» в обеденный перерыв и т. д. и т. п.

Но есть, конечно, в этом еще серьезные недочеты, которые будут изживаться постепенно, соответственно с ростом культурности трудящихся масс.

Физкультура в работе профессиональных союзов также занимает одно из видных мест. В 27 году в этой области имелись достаточно серьезные достижения, только спортивных сооружений уже имелось: водных станций 6, спортивных площадок 3, учтенных тиров 6, тиров, находящихся в процессе организации—9, да несколько неучтенных; спорт-кружков в январе 27 года имелось 66 с количеством членов до 3000 чел., но за летние месяцы число их увеличилось еще.

Вот вкратце то основное, что может подтвердить всесторонний рост профессиональной работы.

Профсоюзы Башкирии верны Ленинским принципам.

Много сложнейших задач выдвинула новая экономическая политика перед советскими профессиональными союзами, нужно было помогать строить хозяйство в то же время защищать интересы рабочих, воспитывать в духе классовой солидарности,

сплоченности трудящихся и обслуживать их во всех областях повседневной жизни.

Справились ли наши профсоюзы с этими задачами?

Даже беглый обзор профессионального движения, борьбы рабочего класса и профессионального строительства, сделанный нами в настоящей работе, достаточно четко и достаточно ярко показывают, что профсоюзы не только выполнили свои мирные будничные проблемы, но и не раз доказали, что они являются истинно организованными отрядами рабочего класса, четко понимающими интересы своего класса в целом, а не в рамках своего цеха.

Мы были свидетелями неоднократных организованных выступлений профессиональных союзов Башкирии на защиту страны пролетарской диктатуры, на помощь зарубежным братьям по классу тотчас же, как только раздавался призыв коммунистической партии и Советской власти. Не прошло ни одного более или менее заметного события в мировой и союзной жизни, чтобы наши профсоюзы не реагировали на них по-пролетарски. Когда бастовали горняки Англии, организованые рабочие и служащие Башкирии выступали на помощь первыми; сравнительно за короткий срок было отчислено на поддержание стачки горняков 60.000 рублей. Когда Чемберленом был брошен вызов Советскому Союзу, профсоюзы тоже не остались в долгу: уже к концу 27 года поступления на укрепление воздушного флота достигали 22.000 рублей. Когда же капитал начинал открыто наступать на рабочий класс или на колониальные и полуколониальные народы, профсоюзы и тут были верными своим классовым, интернационалистским принципам. Массовые демонстрации протеста против расправы английских империалистов над пролетариатом Китая, против казни Сакко и Ванцетти—лучшие показатели этого. А когда тучи военной угрозы начали все более и более сгущаться над Советским Союзом, когда мировой капитал начал проводить агрессивную политику по отношению к первому рабоче-крестьянскому государству (налеты на наши полпредства, убийство т. Войкова и др.), профсоюзы Башкирии ответили деловой подготовкой к обороне социалистического отечества. Повышение производительности труда и вообще сплочение рядов было поистине пролетарским ответом пролетарских профессиональных союзов.

Наконец, участие профсоюзов в укреплении Советов, выразившееся в массовом участии на перевыборах их организованных рабочих и служащих, доходившее по производственным союзам до 80%, тоже характеризует наши профсоюзы, как отряды рабочего класса, являющиеся на деле основой его диктатуры.

Тов. ОПАРИН, Председатель Башпрофсовета последнего созыва.

ОГЛАВЛЕНИЕ.